Это слово – Убийство

Автор:
Энтони Горовиц

Это слово – Убийство

Энтони Горовиц

Детектив Дэниэл Готорн #1Культовый британский детектив

Читатели и критики единодушны: Горовиц способен создать мощный детектив в любых декорациях. Автор сверхпопулярной серии об Алексе Райдере, культовых сериалов «Война Фойла» и «Несправедливость», он получил сразу два почетных предложения: расширить вселенные Шерлока Холмса и Джеймса Бонда. Редчайшее признание заслуг в жанре!

Едва вынырнув из мира Холмса, писатель идет на новый смелый эксперимент: пробует на роль современного доктора Ватсона… самого себя. Ему предстоит работать с Шерлоком XXI века, блестящим и совершенно асоциальным сыщиком Готорном, – чтобы превратить расследование в книгу. Пожилая женщина, мать голливудской суперзвезды, составила план своих похорон – и через несколько часов была зверски задушена. Знала ли она, что умрет так скоро?

Это безумно запутанная история, где среди героев не только сам автор, но даже Стивен Спилберг и Питер Джексон!

Энтони Горовиц

Это слово – Убийство

Anthony Horowitz

THE WORD IS MURDER

Copyright © Stormbreaker Production Ltd, 2017

© Рышков Ю., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

1. Организация похорон

Ясным весенним утром, в один из тех погожих дней, когда солнце обманчиво предвещает тепло, Дайана Каупер перешла Фулэм-роуд и открыла дверь агентства ритуальных услуг.

Это была невысокая женщина лет шестидесяти; в выражении лица, в коротко подстриженных волосах, даже в походке – во всем читалась решимость. Когда такие люди идут вам навстречу, невольно возникает желание отойти в сторонку и пропустить. И в то же время ее нельзя было назвать недоброй: приятное округлое лицо сохраняло нейтральное выражение. Ее гардероб свидетельствовал о достатке: распахнутый плащ пастельных тонов, розовый свитер и серая юбка; массивные бусы из камней (трудно сказать, дорогие или нет) и бриллиантовые кольца (определенно дорогие). На улицах Фулэма и Южного Кенсингтона полно таких женщин, спешащих на ланч или в художественную галерею.

Агентство ритуальных услуг называлось «Корнуоллис и сыновья», о чем гласила вывеска, выполненная классическим шрифтом. Точнее, даже две: на фасаде и сбоку, так чтобы видно было со всех сторон. Их разделяли викторианские часы над входной дверью, остановившиеся (пожалуй, весьма уместно) в 11:59 – за минуту до полуночи. Под названием (также в двух экземплярах) располагалась легенда: «Независимые распорядители похорон: семейный бизнес с 1820 г.». Из

трех окон, выходящих на улицу, два были занавешены; в третьем виднелась открытая книга из мрамора с выбитой цитатой: «Беды, когда идут, идут не в одиночку, а толпами»[1 - «Гамлет», акт 4, сцена 5 (пер. М. Лозинского).]. Все деревянные части – рамы, фасад, входная дверь – были выкрашены в темно-синий цвет, синий почти до черноты.

Громко звякнул старомодный дверной колокольчик. Войдя, миссис Каупер оказалась в маленькой приемной с двумя диванами и журнальным столиком; редкие тома на полках имели грустный вид, какой бывает у непрочитанных книг. Вдаль уходил узкий коридор.

Почти сразу же к ней спустилась полноватая женщина в тяжелых черных туфлях. Приятная вежливая улыбка на лице давала понять, что это печальное дело будет выполнено с подобающей деликатностью, но в то же время эффективно. Ее звали Айрин Лоуз – персональный ассистент Роберта Корнуоллиса, по совместительству администратор.

– Доброе утро. Чем могу помочь? – спросила она.

– Я бы хотела организовать похороны.

– Вы действуете от имени недавно умершего?

«Умерший». Весьма показательно. Не «покойный», не «усопший» – Айрин предпочитала называть вещи своими именами, полагая, что так будет удобнее для всех.

– Нет, от своего.

– Понятно.

Айрин Лоуз даже бровью не повела – вполне штатная ситуация, ничего особенного.

– У вас назначена встреча? – уточнила она.

– Нет. Я не знала, что нужно назначать заранее.

– Одну минутку, я уточню, свободен ли мистер Корнуоллис. Чай, кофе?

– Нет, спасибо.

Айрин Лоуз исчезла в конце коридора, и через несколько минут к Дайане Каупер вышел сам распорядитель. Его внешний вид настолько соответствовал образу похоронного агента, что невольно казалось, будто это нанятый актер. Дело было даже не в обязательном темном костюме и галстуке мрачных тонов; уже самой позой он словно извинялся за свое присутствие. Руки скорбно сложены в замок; печальное морщинистое лицо, сдержанная улыбка, редкие волосы, борода, похожая на неудачный эксперимент. Очки с дымчатыми стеклами утопали в переносице, скрывая глаза.

– Доброе утро. Меня зовут Роберт Корнуоллис. Очевидно, вы желаете обсудить с нами организацию похорон?

– Да.

– Вам предложили чай или кофе? Прошу вас, пройдемте.

Новую клиентку провели по коридору в самую дальнюю комнату, такую же безликую, как и приемная, – с одним исключением: вместо книг на полках стояли папки с прейскурантами и брошюры с изображением гробов и катафалков (традиционных или на конной тяге). На случай, если разговор повернется в сторону кремации, на двух полках громоздились урны. Возле маленького стола лицом друг к другу располагались два кресла. Корнуоллис присел, вытащил ручку – серебристый «Монблан» – и положил на блокнот.

– Итак, речь идет о ваших собственных похоронах, – начал он.

– Да. – Миссис Каупер оживилась, переходя к делу. – Я уже обдумала детали; надеюсь, вы не против.

– Наоборот, конкретные пожелания для нас очень важны. В наше время запланированные и так называемые «индивидуальные» или тематические похороны составляют основу бизнеса. Мы стараемся как можно более точно удовлетворять потребности клиентов. После обсуждения – если вам подойдут

предложенные условия – мы предоставим подробный счет-фактуру со всеми деталями. Вашим друзьям и родственникам ни о чем не придется беспокоиться.

– Отлично, – кивнула миссис Каупер. – Что ж, перейдем к делу.

Она сделала глубокий вдох.

– Я хочу, чтобы меня похоронили в картонном гробу.

Корнуоллис приготовился записывать; на последних словах ручка зависла над бумагой.

– Если вы рассматриваете идею экологичных похорон, осмелюсь предложить экошпон или даже переплетенные ивовые прутья. Бывают ситуации, в которых картон… не вполне эффективен. – Он тщательно подбирал слова, оставляя пространство для всевозможных предположений. – Ива почти в том же ценовом диапазоне, а выглядит куда интереснее.

– Хорошо. Далее: я хочу, чтобы меня похоронили на Бромптонском кладбище рядом с мужем.

– Вы потеряли его недавно?

– Двенадцать лет назад. Участок уже куплен, так что с этим проблем не будет. А вот как должна проходить служба…

Она открыла сумочку, вытащила листок бумаги и положила на стол.

– Я вижу, вы все предусмотрели, – заметил распорядитель. – Очень продуманная служба: частью религиозная, частью светская.

– Полагаю, одного псалма будет достаточно; затем «Битлз», стихотворение, немного классической музыки и пара обращений. Я не хочу затягивать процесс…

– Мы разработаем поминутное расписание…

* * *

Итак, Дайана Каупер запланировала собственные похороны, и это оказалось весьма кстати: шесть часов спустя ее убили.

На момент убийства я понятия не имел ни о ее существовании, ни об обстоятельствах смерти. Возможно, я зацепился взглядом за газетные заголовки – «УБИТА МАТЬ ИЗВЕСТНОГО АКТЕРА», – однако фотографии и большая часть статьи относились к ее знаменитому сыну, которого только что выбрали на главную роль в американском сериале. Описанный мной разговор весьма приблизителен, поскольку сам я при нем не присутствовал. Впрочем, я посетил агентство и побеседовал как с Робертом Корнуоллисом, так и с его ассистенткой (по совместительству кузиной) Айрин Лоуз. Если пройти немного вперед по Фулэм-роуд, без труда можно узнать здание. Комнаты в точности такие, как я описал; остальные детали взяты из свидетельских показаний и полицейских отчетов.

Нам известно, в котором часу миссис Каупер вошла в здание: ее движения зафиксировали камеры на улице, а также в автобусе, на котором она приехала из дома (покойная всегда предпочитала общественный транспорт, хотя легко могла позволить себе шофера). Итак, без четверти двенадцать Дайана Каупер вышла из агентства, дошла до станции метро «Южный Кенсингтон» и села на линию «Пикадилли» до станции «Грин-парк». Далее: ранний ланч с другом в «Кафе Мурано», дорогом ресторане на Сент-Джеймс-стрит, возле «Фортнума и Мейсона». Оттуда такси до театра «Глобус». Нет, она не собиралась на спектакль: Дайана состояла в совете директоров, а в этот день было назначено совещание, которое продлилось с двух до пяти. Домой она приехала в пять минут седьмого и оставила зонтик – начался дождь – в псевдовикторианской стойке у входной двери.

Тридцать минут спустя ее задушили.

Дайана Каупер жила в элегантном таунхаусе на Британия-роуд; этот район Челси в народе называли «Край света». На улице нет видеокамер, так что нам неизвестно, кто входил или выходил из дома в момент убийства. Соседские дома пустовали. Один из них принадлежал консорциуму, располагающемуся в Дубае; в другом жил старенький адвокат с женой, однако в тот день они отдыхали на юге Франции. Таким образом, никто ничего не слышал.

Через два дня, в среду утром, ее обнаружила Андреа Клюванек, уборщица-словачка, которая приходила дважды в неделю. Дайана Каупер лежала лицом вниз на полу гостиной; ее горло было обмотано красным шнуром, какими обычно подвязывают шторы. В заключении медэкспертизы, составленном в сухой, безличной манере (стандартной для таких документов), в деталях описывались травмы шеи, сломанная подъязычная кость и состояние слизистой глаз. Андреа увидела кое-что похуже. Она работала на миссис Каупер два года; хозяйка всегда обращалась с ней приветливо, часто угощала кофе. В среду, открыв дверь, уборщица наткнулась на мертвое тело – судя по всему, лежащее там уже давно. Видимая часть лица приобрела багровый оттенок; пустые глаза смотрели куда-то вдаль; изо рта вывалился язык вдвое длиннее обычного. Одна рука была вытянута вперед; палец с бриллиантовым кольцом указывал на вошедшую, словно обвинял. Тело уже начало попахивать.

Согласно показаниям, Андреа не закричала и не испытала тошноту; она тихо выскользнула из дома, позвонила с мобильного телефона в полицию и до приезда органов ждала на улице.

Первым делом полиция предположила, что Дайна Каупер стала жертвой ограбления: из дома исчезли некоторые ценные вещи, включая украшения и ноутбук. Судя по беспорядку, в комнатах явно что-то искали. Надо отметить, что никаких следов взлома не обнаружили: очевидно, миссис Каупер открыла дверь сама, однако неясно, была ли она знакома с нападавшим. Ее захватили врасплох и задушили сзади, не оставив возможности сопротивляться. Отсутствие отпечатков пальцев и следов ДНК свидетельствует о том, что преступление тщательно спланировали заранее. Предположительно, нападавший чем-то отвлек внимание хозяйки, снял шнур с крючка в гостиной, подкрался к ней сзади, набросил через голову и затянул.

Однако вскоре выяснились обстоятельства визита жертвы к «Корнуоллису и сыновьям», и тут банальное ограбление превратилось в настоящую головоломку. Сами подумайте: человек организует собственные похороны, и в тот же день его отправляют на тот свет – таких совпадений не бывает, эти два события чем-то связаны. Может, Дайана Каупер знала, что умрет? Кто-то видел ее входящей или выходящей из агентства и по какой-то причине решил действовать? Кому известно, что она там была?

Определенно, загадка требовала особого подхода и в то же время не имела ко мне ни малейшего отношения.

Впрочем, недолго…

2. Готорн

Я хорошо помню вечер убийства Дайаны Каупер: мы с женой отмечали маленький семейный праздник в «Моро» на Эксмут-маркет. В тот день я нажал кнопку «Отправить», отослав в издательство свой новый роман и оставив позади восемь месяцев работы.

«Дом шелка» – продолжение приключений Шерлока Холмса – появился в моей жизни совершенно неожиданно: ко мне обратились наследники Конана Дойла, наконец решившие предоставить права на новую книгу. Стоит ли говорить, что я с радостью ухватился за эту возможность?

Впервые я прочел рассказы о Шерлоке Холмсе в семнадцать лет; с тех пор он оставался со мной всю жизнь. И дело даже не в персонаже, которого я обожаю, хотя Шерлок Холмс, безусловно, отец всех современных детективов; и не в оригинальных, запоминающихся сюжетах. Главным образом меня привлекала Англия эпохи Холмса и Ватсона: Темза, экипажи, грохочущие по булыжным мостовым, газовые фонари, лондонский туман… Словно меня пригласили переехать на Бейкер-стрит, 221B, и стать тихим свидетелем величайшей дружбы в истории литературы. Мог ли я отказаться?

С самого начала я решил превратиться в невидимку, спрятаться за тенью Дойла, имитировать его стиль и приемы, не «хозяйничать», если можно так выразиться. Я не привносил ничего, что не мог бы написать он сам. Я упоминаю об этом лишь потому, что на страницах вот этой вот книги меня слишком много, что довольно-таки смущает. Однако здесь просто нет другого выбора – я описываю ровно то, что случилось.

В кои-то веки я не работал для телевидения. «Войну Фойла», детективный сериал времен Второй мировой, сняли с производства, и его возвращение было под большим вопросом. В общей сложности за шестнадцать лет – втрое дольше, чем длилась сама война, – я написал кучу эпизодов длительностью более двадцати двух часов. Честно говоря, я устал. Хуже того: хронологически я

достиг 15 августа 1945 года – у меня попросту закончилась война, и я не знал, что делать дальше. Один из актеров предложил написать «Мир Фойла» – ну, не знаю… Вряд ли это нужно.

Кроме того, я еще не успел начать ничего нового. В то время я был известен большей частью как детский писатель, хотя втайне надеялся, что «Дом шелка» изменит ситуацию. В 2000 году я опубликовал первый роман из серии приключений шпиона-подростка по имени Алекс Райдер, который разошелся по всему миру. Мне нравилось писать для детей, однако я боялся, что с каждым годом все больше удаляюсь от своей аудитории. Мне только что исполнилось пятьдесят пять – пора двигаться дальше. Кстати, в тот момент я как раз собирался ехать на литературный фестиваль рассказывать о десятой – и предположительно последней – книге этой серии.

Пожалуй, самый увлекательный проект на моем письменном столе – сценарий фильма «Тинтин-2». К немалому изумлению, меня пригласил сам Стивен Спилберг; за режиссуру брался Питер Джексон. Я никак не мог осознать до конца, что буду работать с двумя известнейшими режиссерами в мире; сам не понимаю, как это произошло. Честно говоря, я нервничал. Я прочел сценарий раз десять и каждый раз старался убедить себя, что двигаюсь в нужном направлении. Цепляют ли герои? Достаточно ли сильна сюжетная линия? Через неделю Джексон со Спилбергом собирались приехать в Лондон, и мы договорились встретиться и обсудить замечания.

Так что когда зазвонил мобильный и на экране высветился незнакомый номер, я сперва подумал – кто-то из них. Ну, разумеется, не сами лично звонят – скорее поручили секретарше. Было примерно десять утра; я сидел у себя в кабинете на верхнем этаже и читал «Суть измены» Ребекки Уэст – классическое исследование на тему жизни в Великобритании после Второй мировой: неплохое продолжение для Фойла. А что – взять и погрузить его в мир шпионов, предателей, коммунистов, ученых-атомщиков…

Я закрыл книгу и взял трубку.

– Тони? – спросил чей-то голос.

Определенно, это не Спилберг. Мало кто зовет меня Тони. Честно говоря, я предпочитаю «Энтони» – для некоторых друзей «Энт».

– Да?

– Как дела, приятель? Это Готорн.

Вообще-то я уже и сам его узнал по говору: гласные в нос, странный акцент, частью северный, частью кокни[2 - Изначально – лондонский просторечный диалект, сегодня в широком смысле – диалект Юго-Восточной Англии.], словечко «приятель».

– Мистер Готорн, – отозвался я. Его представили как Дэниэла, однако с самого начала мне было почему-то некомфортно звать Готорна по имени. Он и сам никогда им не пользовался. – Рад вас слышать.

– Да-да. – В голосе прозвучало явное нетерпение. – Есть минутка?

– А что такое?

– Надо бы встретиться. Чем занят после обеда?

Типичная история. У Готорна что-то вроде душевной близорукости: он видит мир лишь таким, каким хочет видеть. Он не спрашивает, смогу ли я встретиться с ним завтра или на следующей неделе; нет, все должно произойти вот прямо сейчас, когда ему надо. В принципе, особых дел у меня не было, но я вовсе не собирался об этом докладывать.

– Ну не знаю… – начал было я.

– Как насчет трех часов в том кафе, куда мы раньше ходили?

– «Джей-эн-Эй»?

– Оно самое. У меня к тебе будет просьба, и очень важная.

Кафе находилось в Клеркенуэлле, в десяти минутах ходьбы от моего дома. Если бы понадобилось ехать через весь Лондон, я бы еще подумал.

– Ладно, давайте в три.

– Отлично, приятель, до встречи!

И он нажал отбой.

Передо мной на экране компьютера все еще висел сценарий «Тинтина». Я свернул программу и задумался о Готорне.

Впервые мы познакомились год назад, когда я начал работать над телевизионным сериалом «Несправедливость». Идея этой криминальной драмы с Джеймсом Пьюрфоем в главной роли родилась из вечного вопроса, который порой задают себе сценаристы, мыкаясь в поисках свежей идеи: как адвокат может защищать заведомо виновного? Говоря коротко, никак. Если клиент признается в преступлении до суда, адвокат откажется его представлять – должны быть хотя бы малейшие основания верить в невиновность подсудимого. Итак, я придумал сюжет о защитнике прав животных, который глумливо признается в убийстве ребенка сразу после того, как адвокату Уильяму Трэверсу (Пьюрфой) удалось его оправдать. В результате у Трэверса случается нервный срыв, и он уезжает в Саффолк. Однажды на станции в Ипсвиче он замечает своего подзащитного, а через несколько дней того находят мертвым. Возникает вопрос: имеет ли Трэверс отношение к его смерти?

В итоге сюжет выливается в дуэль между адвокатом и инспектором полиции, расследовавшим дело. Трэверс – темная лошадка; человек опасный, непредсказуемый. И тем не менее он – герой, зрители должны болеть за него, поэтому я сознательно наделил полицейского самыми неприятными чертами: агрессивный, раздражительный, вспыльчивый, чуть ли не расист. Я писал его с Готорна.

Справедливости ради надо отметить, что Готорн вовсе не такой. Он, например, нисколько не расист. Но раздражал он всегда неимоверно – каждая встреча становилась для меня испытанием. Мы с ним – полные противоположности. Я никак не мог понять, откуда он такой взялся.

Его нашел помощник режиссера. Мне сказали, что Готорн служил инспектором в городской полиции Лондона, в районе Патни, и специализировался на убийствах, пока его вдруг не выкинули по неясным причинам после двенадцати лет

службы. Вообще, на телевидении полно бывших полицейских, консультирующих съемки детективов, это обычная практика: они добавляют небольшие штрихи, придающие сюжету правдоподобность. Честно говоря, Готорн здорово помог: он инстинктивно понимал, что мне нужно и что сработает на экране. Помню такой пример: в одной сцене мой детектив исследует труп недельной давности, и медэксперт протягивает ему тюбик ментоловой мази, чтобы тот помазал у себя под носом, – оказывается, ментол перебивает запах. Это Готорн подал мне идею, и если вы посмотрите серию, то сами увидите, как оживилась сцена.

Впервые мы встретились в офисе компании, снимающей сериал. По сути, у меня были его контакты, я мог связаться с ним в любое время, задать вопрос и затем вплести ответ в канву сценария. Все это можно сделать и по телефону, встреча была чистой формальностью. Когда я приехал, Готорн уже сидел в приемной, закинув ногу на ногу, сложив пальто на колени. Я сразу понял, что это он.

Готорн поднялся мне навстречу. Мужчина не крупный, и нельзя сказать, чтобы выглядел угрожающе; и все же это единственное банальное движение дало мне пищу для размышлений. В его пластике проскальзывало что-то вкрадчивое, как у пантеры или леопарда, а в карих глазах светилась странная враждебность, словно он бросал мне вызов. Около сорока; чисто выбритое лицо, коротко подстриженные волосы неопределенного цвета с легкой проседью, бледная кожа. У меня создалось ощущение, что в детстве Готорн был очень красивым ребенком, однако позднее случился некий перелом; и хотя уродливым его не назовешь, он до странного непривлекателен, похож на неудачную фотографию самого себя. Элегантный костюм, белая рубашка, галстук, плащ перекинут через руку. Он взглянул на меня с преувеличенным интересом, словно я его чем-то удивил. Уже на входе я почувствовал, как он высасывает из меня энергию.

– Здравствуйте, Энтони. Приятно познакомиться.

Откуда он меня знает? В офисе толклась куча народу, все бродили туда-сюда, никто нас не представил, да и сам я не успел.

– Я большой поклонник вашего творчества, – продолжил Готорн, и в его тоне ясно прозвучало, что он не прочел ни строчки и ему наплевать, если я это понял.

– Спасибо.

– Я слышал о сериале, который вы хотите снимать, – звучит интересно.

Издевается, что ли? Вид у него был откровенно скучающий.

Я улыбнулся.

– Буду рад поработать с вами.

– Взаимно, – кивнул он.

Если бы…

Чаще всего мы общались по телефону, однако были и встречи – главным образом в офисе или на летней террасе кафе «Джей-эн-Эй» (он постоянно курил: самокрутки или дешевый сорт вроде «Ричмонда»). Я слышал, что Готорн живет в Эссексе, но понятия не имел, где конкретно. Он никогда не говорил о себе или о прежней работе в полиции, тем более не упоминал, чем все закончилось. Помощник режиссера рассказывал, что Готорн участвовал в расследовании весьма крупных дел и имел серьезную репутацию, однако я погуглил и ничего о нем не нашел.

Без сомнения, у него был выдающийся ум. Хотя Готорн ясно дал понять, что сам не пишет, и не проявлял ни малейшего интереса к сериалу, тем не менее он всегда предлагал нужные решения еще до того, как я просил. Вот пример: в начальных сценах Уильям Трэверс защищает чернокожего ребенка, которого полиция обвиняет в краже медали; утверждалось, что ее нашли в кармане. Однако медаль была недавно почищена, а в карманах у мальчика не обнаружили следов сульфаминовой кислоты или нашатырного спирта (типичных составляющих средства для полировки серебра), что доказывает его невиновность, – и эту «фишку» придумал Готорн.

Не стану отрицать, он мне действительно помог, и все же я немного напрягся в ожидании встречи. Готорн всегда переходил к сути, никаких светских бесед. Казалось бы, у человека должно быть свое мнение о том, что происходит вокруг, – погода, правительство, землетрясение в Фукусиме, женитьба принца Уильяма… Нет, он говорил только по делу. Заказывал кофе (черный, два кусочка сахара), курил, но никогда ничего не ел, даже печенье, и носил один и тот же костюм. Я мог бы с таким же успехом разговаривать с его фотографией.

При этом он знал кучу всего обо мне: прошлым вечером я был в пабе; мой помощник заболел; все выходные я писал… И это не я ему рассказывал, а он мне! Может, расспрашивает знакомых в офисе? Однако информация всегда была абсолютно спонтанной и непредсказуемой. Мне никак не удавалось его раскусить.

Самую большую ошибку я совершил, показав ему второй черновик сценария. Обычно до начала съемок эпизода я пишу с десяток черновиков, учитывая замечания продюсера, телекомпании (в данном случае Ай-ти-ви), агента, а затем режиссера и актера, играющего главную роль. Получается такой совместный творческий вклад, хотя у меня порой голова идет кругом: да когда же всех все устроит?! Впрочем, это часть рабочего процесса; проект не буксует, а продуктивно движется вперед. Важно помнить, что поправки неизбежны и все участники действуют в общих интересах.

Готорн ничего этого не понимал. Он был похож на кирпичную стену: раз уперся рогом – все, с места не сдвинешь. К примеру, в одной сцене мой детектив встречается со старшим по званию вскоре после обнаружения тела защитника прав животных. Тот предлагает ему сесть, на что мой герой отвечает: «Сэр, я постою, если вы не против». Мелочь, ничего особенного – я лишь хотел показать, что у моего героя проблемы с подчинением, однако Готорн и слышать об этом не желал.

– Неправдоподобно, – отрезал он.

Мы сидели возле «Старбакса» (забыл, где именно); между нами на столике лежал сценарий. Готорн в костюме и галстуке, как обычно, докуривал последнюю сигарету, используя пустую пачку в качестве пепельницы.

– Почему?

– Если начальник велит тебе сесть, ты садишься.

– Так он и сел в итоге.

– Да, но перед этим поспорил. На хрена? Только выставил себя идиотом.

(Кстати, Готорн постоянно выражался. Если передавать его реплики в точности, пришлось бы вставлять мат через раз.)

Я попробовал объяснить:

– Актеры поймут, к чему я клоню. Это ключевая деталь к пониманию взаимоотношений начальника и подчиненного.

– Неправдоподобно! Херня собачья!

Я снова попытался донести, что правда бывает разная, что кино порой имеет мало отношения к реальной жизни; наши представления о полицейских, врачах, даже преступниках складываются из картинки, которую мы видим на экране, а не наоборот. Однако Готорна было не переубедить. Он прочел сценарий, и ему не понравилось. Мы спорили по каждой сцене, связанной с полицией. Он не видел сюжет, он видел лишь бумажную работу, протокол, угловатые настольные лампы…

Когда были написаны сценарии для всех пяти серий, я облегченно выдохнул. Дальнейшие контакты я перепоручил студии.

Сериал снимали в Лондоне и Саффолке. Детектива играл блестящий актер Чарли Крид-Майлз. Самое смешное, он был поразительно похож на Готорна, но этим дело не заканчивалось. Готорн произвел на меня столь глубокое впечатление, что я сознательно добавил герою его негативные черты. Даже имена у них связаны: Даниил и Марк – библейские персонажи, а Готорна я заменил Уэнборном. Я частенько так делаю. Когда я «убил» его, уронив с лестницы в четвертой серии, то поймал себя на том, что улыбаюсь.

Мне было интересно, чего он хотел, но в то же время меня не покидало недоброе предчувствие. Готорн не принадлежал к моему кругу общения и, честно говоря, сейчас был мне попросту не нужен. С другой стороны, я еще не обедал, а в «Джей-эн-Эй» лучшие пироги во всем Лондоне. Кафе расположено в переулке недалеко от Клеркенуэлл-роуд, и народу там обычно немного.

Готорн дожидался снаружи с кофе и сигаретой. На нем был все тот же костюм, неизменный галстук и плащ. Он поднял голову и кивнул вместо приветствия.

– Ну как сериал?

– Что ж вы не пришли на просмотр? – спросил я.

Мы сняли отель в Лондоне и показали первые две серии актерам и съемочной бригаде; Готорна тоже приглашали.

– Занят был.

Подошла официантка, я заказал чай и кусок пирога. Знаю-знаю, не слишком полезно, но вы сами попробуйте провести восемь часов в день наедине с самим собой. Когда-то я курил между главами, но уже тридцать лет как бросил. Хотя пироги, возможно, столь же опасны для здоровья.

– Как дела? – вежливо спросил я.

Готорн пожал плечами.

– Не жалуюсь. – Он скользнул по мне взглядом. – Ездил за город?

Я действительно утром вернулся из Саффолка – мы с женой уезжали на выходные.

– Да.

– И завел щенка!

В этом он весь. Я никому не сообщал, где был, ни в каких соцсетях ничего не писал. Что касается щенка, то он принадлежал соседям, мы лишь присматривали за ним в их отсутствие.

– Откуда вы знаете?

– Да так, сообразил. – Он жестом отмахнулся от расспросов. – Мне нужна твоя помощь.

– В чем?

– Я хочу, чтобы ты обо мне написал.

Каждый раз Готорну удавалось меня удивить. Большинство людей предсказуемо: сближаешься с ними, определяешь рамки отношений, некие условные правила взаимодействия, и дальше все работает в этих рамках. С ним же никогда не знаешь, чего ожидать. Только вроде начнешь понимать, куда клонит, ан нет – ошибся!

– В каком смысле?

– Я хочу, чтобы ты написал книгу со мной в главной роли.

– Э-э… А зачем?

– Ради денег.

– Вы хотите мне заплатить?

– Нет, я рассчитывал пятьдесят на пятьдесят.

Вошла пара; выигрывая время, я подождал, пока они пройдут мимо и сядут за соседний столик. Я боялся ему отказать…

– Не понимаю. О чем конкретно идет речь?

Готорн уставился на меня мутными глазами мальчика-хориста.

– Ну смотри, – начал он, словно пытался объяснить очевидное на пальцах. – Как ты знаешь, я иногда работаю на ТВ. Возможно, слышал, что меня выставили из полиции; им же хуже… Не суть, тема закрыта. Так вот, вдобавок я немного консультирую бывших коллег – неофициально, разумеется. Когда у них случается что-то из ряда вон выходящее, не вписывающееся в стандартную практику, – тогда они приходят ко мне.

– Вы серьезно? – Трудно было в это поверить.

– Вот так сейчас обстоят дела. У них там столько сокращений, что работать некому. Слышал о «Группе-4» и «Серко»? Сборище кретинов, да и те постоянно меняются. Присылают следаков, которые в четырех углах путаются, – и это еще не все. Раньше у нас в Ламбете была крупная лаборатория – туда посылали образцы крови и всякое такое; так вот, ее продали и теперь обращаются к частным компаниям. Занимает вдвое больше времени и в два раза дороже, но им на это наплевать. Вот и со мной та же петрушка, я – внешний ресурс.

Готорн умолк, будто проверяя, слежу ли я за ходом мысли. Я кивнул. Он зажег сигарету и продолжил:

– В принципе, я с этого неплохо имею: суточные плюс дополнительные расходы. Одна беда – работы сейчас мало. Поэтому когда мне сказали, что ты пишешь книги, то я подумал, что мы могли бы друг другу помочь. Иногда присылают весьма интересные дела. Напишешь, как я расследую преступление, а прибыль пополам.

– Но я вас почти не знаю!

– Ничего, узнаешь. Кстати, у меня сейчас одно дельце – думаю, как раз по теме.

Официантка принесла чай с пирогом, но мне уже ничего не хотелось – скорей бы домой.

– А почему вы решили, что кому-то будет интересно о вас читать?

– Я – детектив, людям нравится читать про детективов.

– Вы не настоящий полицейский, вас уволили… Кстати, за что?

– Не хочу об этом.

– Придется. Я должен знать, где вы живете, женаты ли, что едите на завтрак, чем занимаетесь в выходные – именно поэтому люди читают детективные повести.

– Думаешь?

– Конечно!

Готорн покачал головой.

– Не согласен. Есть ключевое слово. И это слово – Убийство, остальное неважно.

– Мне очень жаль… – Я старался донести свой отказ как можно мягче. – Идея, конечно, хорошая, и я не сомневаюсь, что у вас на руках захватывающее дело, однако, увы, я слишком занят. Да и вообще, это не мой профиль – я пишу о вымышленных детективах. Вот, к примеру, только что закончил повесть о Шерлоке Холмсе, а до того писал сценарии к сериалам «Пуаро» и «Чисто английские убийства». Я – беллетрист, вам же нужен тот, кто пишет о настоящих преступлениях.

– А какая разница?

– Огромная! Я сам управляю сюжетом, я знаю, о чем пишу: сочиняю мотив, улики, подсказки – в этом половина удовольствия! Если я буду просто следовать за вами и записывать, что мне это даст? Нет, извините, неинтересно.

Готорн смотрел на меня поверх кончика сигареты. Он не выглядел ни удивленным, ни обиженным, словно заранее знал, что я скажу.

– Книга могла бы выйти большим тиражом. Проще простого: я предоставлю все, что нужно. Хочешь, расскажу, над чем я сейчас работаю?

Я вовсе не хотел, но он уже продолжал:

– Женщина приходит в агентство ритуальных услуг в Южном Кенсингтоне, организовывает собственные похороны вплоть до мелочей, и в тот же день, шесть часов спустя, ее убивают. Согласись, довольно необычно.

– А кто она?

– В данный момент ее фамилия не играет никакой роли. Важно, что она была богата, у нее знаменитый сын, и еще один нюанс: насколько мы знаем, у нее не было врагов – все ее любили. Поэтому меня и позвали – концы с концами не сходятся.

Надо признаться, я почувствовал легкий соблазн.

Самое сложное в написании детективных рассказов – разработка сюжета, и как раз в этот момент у меня в голове было пусто. В конце концов, причины убийства рано или поздно исчерпываются. Либо вам что-то нужно от человека: его деньги, его жена, его работа, либо он вас шантажирует, либо месть или случайность. После двадцати двух эпизодов «Войны Фойла» я перебрал все возможные варианты.

Далее встает вопрос сбора информации. Если, к примеру, я назначаю убийцей шеф-повара в отеле, мне нужно создать некий мир, вникнуть в схему бизнеса, сделать его правдоподобным, а это тяжелая работа – притом что он лишь один из двадцати-тридцати действующих лиц, смутно маячащих в голове. Мне нужно будет разобраться в стандартных полицейских процедурах: отпечатки пальцев, медэкспертиза, ДНК и все остальное. Могут пройти месяцы, прежде чем я напишу первое слово.

И вообще я устал… Хватит ли у меня сил на очередную книгу, ведь я только что закончил «Дом шелка»?

По сути, Готорн предлагал мне срезать углы, подавал всю историю на блюдечке. И он был прав – дело и впрямь интересное. Женщина приходит в салон ритуальных услуг… Неплохое начало, весьма неплохое. Я уже видел перед глазами первую главу: весеннее солнце, престижный район, женщина переходит улицу…

Нет, немыслимо.

– Откуда вы узнали? – спросил я вдруг.

– О чем?

– Ну вот вы говорили, что я вернулся из деревни и что у меня щенок. Кто вам сказал?

– Никто.

– Так откуда же вы узнали?

Готорн поморщился – явно не хотелось объяснять; в то же время я ему был нужен, а значит, у меня преимущество.

– У тебя грязь на туфлях, – пробурчал он. – За последнюю неделю в Лондоне дождя не было, зато в прогнозе передавали дождь на восточном побережье. Я слышал, что у тебя домик в Орфорде, вот и предположил.

– А щенок?

– На джинсах, чуть пониже колена, отпечаток лапы.

Я нагнулся: и действительно, едва видные следы – сам бы даже не заметил.

– Погоди-ка… А откуда ты узнал, что это щенок? Может, просто маленькая собачка? Или вообще на улице встретился приблудный пес?

Готорн посмотрел на меня снисходительно.

– Кто-то методично жевал твой левый шнурок. Вряд ли это был ты сам.

Я не стал даже проверять. Надо сказать, он умел произвести впечатление и в то же время чем-то неуловимо раздражал.

– Извините, – покачал я головой. – Звучит, конечно, интересно, и вы наверняка найдете подходящую кандидатуру – журналиста или что-то вроде того. Даже если бы я захотел, то не смог бы – я сейчас занят.

Интересно, как он отреагирует?

И снова Готорн обманул ожидания – он лишь пожал плечами и встал.

– Ну ладно, мое дело – предложить. Я заплачу? – спросил он, кивая на стол.

– Нет-нет, я сам.

– Я пил кофе.

– Да, хорошо.

– Что ж, если передумаешь, звони.

– Да, конечно. Если хотите, я поговорю со своим агентом, она сможет подыскать кого-нибудь подходящего.

– Не беспокойся, сам найду.

Я доел пирог – жалко было выбрасывать, – затем вернулся домой и остаток вечера провел за чтением. О Готорне пытался не думать, но никак не мог выбросить его из головы.

Самое сложное для профессионального писателя – отказываться от работы. Ты закрываешь дверь, которая может больше никогда не открыться; кто знает, что ты потерял? Как-то раз мне позвонила продюсер и предложила поработать над мюзиклом, составленным из песен шведской поп-группы. Я отказался, и что в результате? Теперь на афишах Mamma Mia! нет моей фамилии (не говоря уж об авторских отчислениях). Кстати, не жалею: далеко не факт, что у меня вышло бы лучше. Это так, для примера, чтобы показать, в каком тумане неуверенности барахтается автор в наши дни. Необычное преступление, притом настоящее. Женщина посещает агентство ритуальных услуг… Блестящего детектива призывают в качестве консультанта… Не сделал ли я очередной ошибки, отказавшись?..

Я раскрыл книгу и вернулся к работе.

* * *

Два дня спустя я поехал на литературный фестиваль.

Удивительно, сколько сейчас проводят фестивалей по всему миру! Я знаком с писателями, которые вообще больше не пишут – знай себе ездят с одной тусовки на другую. Интересно, как бы я выкручивался, если бы родился заикой или стеснительным? Современный писатель должен уметь общаться с публикой, зачастую весьма обширной; ему практически приходится играть роль эстрадного комика, разве что вопросы никогда не меняются и шутки всегда одинаковые.

В одной только Великобритании полно фестивалей: детективы в Харрогейте, детские книги в Бате, поэзия в Альдебурге; и все же Хэй, проходящий на окраине крошечного городка посреди грязного поля, почему-то стал самым популярным. Сюда приезжают за сотни миль; среди выступающих успели побывать два президента США, парочка знаменитых грабителей поезда и Дж. К. Роулинг. Было весело общаться с пятью сотнями подростков под огромным тентом. Как обычно, присутствовали и взрослые: те, кто знал меня по сериалам, часто приходили на встречи и просиживали положенные сорок минут «Алекса Райдера», чтобы поговорить о «Войне Фойла».

Сессия прошла неплохо: дети вели себя оживленно, некоторые задавали интересные вопросы. Мне даже удалось к месту впихнуть Фойла. Через час организатор подал знак сворачиваться, и тут случилось нечто странное.

В первом ряду сидела женщина. Сперва я принял ее за учительницу или библиотекаря. Около сорока, ничем не примечательная внешность, длинные светлые волосы, очки на цепочке. Я обратил на нее внимание потому, что она сидела одна. Похоже, ее нисколько не интересует мое выступление – ноль реакции даже на шутки. Журналистка? В наши дни газеты часто присылают репортеров, только и ждущих неосторожного слова, которое можно вырвать из контекста и использовать против тебя. Так что когда она подняла руку и ей передали микрофон, я держался настороже.

– Скажите, пожалуйста, почему вы пишете о вымышленных событиях? Вам никогда не хотелось написать правдивую историю?

К большинству вопросов на литературных фестивалях я давно привык: где я черпаю идеи, кто мои любимые персонажи, сколько времени занимает написать книгу? На этот раз я был порядком сбит с толку. Вроде бы и тон не враждебный,

но что-то в ней раздражало…

– Погодите, «Война Фойла» основана на реальных событиях, – возразил я и уже собирался рассказать, как изучал материалы, как всю прошлую неделю читал об Алане Мэе, который поставлял информацию об атомных разработках Советскому Союзу, но тут она меня перебила:

– Разумеется, но ведь сами преступления не настоящие. Да и другие ваши сериалы – «Пуаро», «Чисто английское убийство» – абсолютно вымышленные. Вы пишете повести о четырнадцатилетнем мальчике-шпионе… Не хочу показаться грубой, однако создается ощущение, что вы не интересуетесь реальным миром.

– А что такое «реальный мир»? – не выдержал я.

– Обычные, живые люди.

Кое-кто из детей заерзал. Пора закругляться.

– Мне нравится беллетристика, вот я ее и создаю.

– А вы не боитесь, что ваши книги не будут воспринимать всерьез?

– Для этого они вовсе не должны быть «реальными».

– Извините. Мне правда нравятся ваши сочинения, просто я с вами не согласна.

Странное совпадение – это и предложение Готорна, сделанное пару дней назад.

Перед уходом я поискал ее глазами, но не нашел; за автографом она не подошла.

На обратном пути ее слова не выходили у меня из головы. А если она права? Может, я слишком зацикливаюсь на вымышленном? Я как раз планировал перейти на взрослую прозу, однако моя первая проба, «Дом шелка», бесконечно далека от современного мира – дальше просто некуда! Некоторые мои телесериалы – например, «Несправедливость» – основаны на вполне узнаваемом материале Лондона двадцать первого века. С другой стороны, я слишком давно

погружен в мир собственного воображения и скоро утрачу связь с реальностью. Или уже утратил… Может, краткий курс «настоящей жизни» пойдет мне на пользу?..

Долог путь из Хей-он-Уай до Паддингтона. К тому времени, как я добрался, решение было принято. Едва войдя в дом, я снял телефонную трубку.

– Готорн?

– Тони?

– Ладно, я согласен – пятьдесят на пятьдесят.

3. Первая глава

Готорну первая глава не понравилась.

Тут я немного забегаю вперед; на самом деле я показал ему черновик на второй день расследования, да и то с неохотой. Я слишком хорошо помнил, как было дело с «Несправедливостью», и предпочел бы еще придержать рукопись «под сукном», однако он настоял; а поскольку мы – равные партнеры, как я мог отказать? Ладно, не суть. Я стараюсь лишь продемонстрировать, как создавалась книга, обнародовать все ходы, стратегию «ведения боевых действий», так сказать. Слова-то мои, а вот действия – его, и, по правде говоря, первые со вторыми не сходились.

Мы сидели в «Старбаксе» на Нью-Кингс-роуд, в паре минут ходьбы от дома Дайаны Каупер. Я скинул ему черновик на электронную почту, и когда он вытащил из портфеля распечатанные листы, сплошь покрытые красными кружками и крестиками, я понял, что дело плохо. Я очень сложно отношусь к критике своих текстов. Ведь мною обдумывается буквально каждое слово («обдумывается» или «обсасывается»? может, обойтись без «буквально»?). Когда я согласился работать с Готорном, то по умолчанию предположил, что он будет заниматься расследованием, а я – непосредственно текстом, но он живо лишил меня иллюзий.

– Все не так, – начал он. – Ты вводишь читателя в заблуждение.

– Что вы имеете в виду?

– Да вот хоть самое первое предложение.

Я перечел написанное:

«Ясным весенним утром, в один из тех погожих дней, когда солнце обманчиво обещает тепло, Дайана Каупер перешла Фулэм-роуд и открыла дверь агентства ритуальных услуг».

– Ну и что здесь не так?

– Жертва приехала на автобусе – это зафиксировали камеры. Кроме того, ее запомнил водитель, давший показания. Остается непонятным следующий факт: зачем ты написал, что она перешла дорогу?

– А почему бы и нет?

– Да потому что вранье! Она села в автобус номер четырнадцать на остановке «Челси Виллидж» ровно напротив Британия-роуд и проследовала далее со всеми остановками: «Футбольный клуб», «Гортензия-роуд», «Эдит-гроув», «Вестминстерская больница», «Бофорт-стрит» и, наконец, «Олд-Черч-стрит», где и вышла.

– У вас доскональное знание автобусных маршрутов, но я не улавливаю: к чему все это?

– Ей не пришлось переходить дорогу: выйдя из автобуса, она оказалась на нужной стороне.

– И в чем разница?

– Разница существенная. Если она действительно пересекла дорогу, значит, заходила куда-то еще – и это может оказаться важным. Например, в банк, где сняла кучу денег. Могла поссориться с кем-то, за ней следили… Могла остановиться перед движущейся машиной – возникла перебранка… Что ты на меня так смотришь? В наши дни убийства на почве дорожной агрессии – дело заурядное. И вообще, ты упустил факты: она проснулась в своем доме – одна, позавтракала и первым делом поехала в агентство.

– Так как, по-вашему, надо?

Готорн уже нацарапал что-то на листке бумаги и протянул мне. Я прочел:

«Ровно в одиннадцать семнадцать Дайана Джейн Каупер вышла из автобуса номер четырнадцать на остановке «Олд-Черч-стрит», повернула в обратном направлении, проследовала двадцать пять метров и вошла в помещение агентства ритуальных услуг «Корнуоллис и сыновья»».

– Исключено! – воспротивился я. – Какой-то полицейский отчет!

– Зато достоверно. И еще: к чему тут колокольчик?

– Какой колокольчик?

– В четвертом параграфе, вот здесь. Ты пишешь, что на двери висел колокольчик, – не было там ничего подобного.

Я медленно выдохнул. Мне еще предстояло узнать, что Готорн способен довести меня до белого каления как никто…

– Колокольчик я добавил для атмосферы. Старомодный семейный бизнес, традиции и все такое. Должны же в романе быть литературные допущения!

– Не знаю, но разница существенная. А что, если кто-то последовал за ней в агентство и подслушал разговор?

– Тот, с кем она поссорилась? – саркастически поинтересовался я. – Или тот, с кем встретилась в банке?

Готорн пожал плечами.

– То, что между организацией похорон и убийством существует связь, – твоя идея. По крайней мере, в этом ты пытаешься убедить своих чита-ателей. – Последнее слово он произнес с оттяжкой, словно ругательство. – Однако нужно принимать во внимание и другие варианты. Возможно, это чистой воды совпадение, хотя скажу тебе честно – я в совпадения не верю. Я работаю в этой сфере уже двадцать лет и всегда убеждался, что всему есть объяснение. Допустим, миссис Каупер знала, что собирается умереть: ей угрожают, выхода нет. Тогда почему она не обратилась в полицию? И третий вариант: кто-то ее выследил и беспрепятственно подслушал весь разговор, поскольку чертова колокольчика на двери нет! Кто угодно мог зайти и выйти незамеченным – а у тебя эта версия исключается.

– Ладно, уберу.

– И ручку «Монблан» тоже.

– А ее-то почему?.. Ладно-ладно, неважно, уберу.

Готорн тыкал пальцем в страницы, словно пытаясь найти хоть одно предложение, которое его устроило бы.

– Ты как-то выборочно работаешь с информацией, – произнес он наконец.

– В смысле?

– Ну вот ты пишешь, что миссис Каупер пользовалась только общественным транспортом, но не объясняешь почему.

– Тут же сказано – причуда!

– Боюсь, ты судишь слишком поверхностно, приятель. И потом, еще похороны: тебе в деталях известно, какую службу она заказала, однако об этом ты не

упомянул.

– Ну как же – псалом, «Битлз»!

– Какой именно псалом? Какую конкретно песню «Битлов»?

Готорн вытащил из кармана блокнот.

– Псалом 33: «Благословлю Господа во всякое время; хвала Ему непрестанно в устах моих». Далее песня «Битлз» под названием «Элинор Ригби». Затем стихотворение некоей Сильвии Плат; тут я рассчитываю на твою помощь – прочел и ни хрена не понял. Потом идет классическая музыка: «Марш принца датского» Джеремайи Кларка. Под конец ее сын должен произнести речь… как там говорят…

– Надгробное слово.

– По хрену. А еще тебе стоило упомянуть, с кем она обедала в «Кафе Мурано»: с театральным продюсером Реймондом Клунсом.

– Подозреваемый?

– Ну прикинь: она только что потеряла пятьдесят штук на постановке мюзикла, который он продюсировал. Деньги и убийство частенько идут рука об руку.

– Что еще я упустил?

– Ты не счел нужным уточнить, что именно в этот день миссис Каупер уволилась из совета директоров театра «Глобус». Двенадцать лет заседала – и вдруг решила все бросить. Потом Андреа Клюванек, уборщица. С чего ты взял, что она осторожно вышла на улицу на цыпочках и вызвала полицию?

– Так написано в ее свидетельских показаниях.

– Да, я читал. А если она врет?

– С чего бы ей?

– Ну не знаю, приятель… Только учти – у нее уже есть судимость, так что она может оказаться вовсе не такой белой и пушистой…

– Откуда вы знаете?

– Проверил. И, наконец, Дэмиэн Каупер, сын жертвы. Стоило бы упомянуть, что он унаследовал от мамочки два с половиной миллиона фунтов – весьма кстати, учитывая его финансовые проблемы.

Я вдруг ощутил противную пустоту в желудке.

– Что за проблемы?

– Насколько я понял, большую часть денег он попросту «вынюхал», однако есть еще дом на Голливуд-Хиллс, бассейн, «Порше», все дела. Есть также английская подружка, родила от него, но вряд ли сильно к нему привязана, учитывая, сколько баб ошивается возле парня…

– Ну хоть что-нибудь в этой главе можно оставить? – спросил я с тоской.

Готорн задумался.

– Мне понравилась хохма про «Край света».

Я уныло смотрел на страницы, веером рассыпанные на столе.

– Зря мы все это затеяли…

Готорн впервые улыбнулся, и в его улыбке вдруг проглянул маленький мальчик. Казалось, частичка души, запертая глубоко внутри, пытается прорваться наружу сквозь костюм, галстук, бледные черты лица, недобрый взгляд…

– Придержи коней, приятель, это всего лишь первая глава. Порви да напиши заново, делов-то. Главное – мы должны выработать совместную стратегию…

Он замешкался, подбирая слова.

– Модус операнди[3 - Образ действий (лат.).], – подсказал я.

Готорн ткнул в мою сторону указательным пальцем.

– Вот только не надо всяких умных фразочек – это как раз и отталкивает людей! Не надо. Просто записывай все, что происходит. Мы поедем на место преступления, поговорим со свидетелями; я предоставлю подробную информацию. Тебе лишь нужно сесть и записать все в правильном порядке.

– А если вы не сможете раскрыть преступление? – усомнился я. – А если полиция первой выяснит, кто убил Дайану Каупер?

Готорн явно оскорбился таким предположением.

– Кучка никчемных болванов? Если бы у них была хоть малейшая зацепка, меня бы не позвали! Большая часть убийств раскрывается в течение сорока восьми часов. Почему? Да потому, что убийцы зачастую не осознают своих действий, все происходит спонтанно: вышел из себя, потерял контроль, и привет. А когда спохватываются и начинают думать о пятнах крови, номерах машин, видеокамерах, уже поздно. Некоторые пытаются замести следы, но с уровнем современной медэкспертизы у них ни малейших шансов.

Однако попадается мизерный процент преднамеренных убийств, когда все спланировано заранее. Например, заказные убийства или какой-нибудь урод забавляется… Полиция такие вещи нюхом чует. Тогда-то меня и зовут – знают, что сами не справятся. Короче, ты должен мне доверять. Если нужны дополнительные детали – спрашивай, если нет – просто записывай все, что видишь. Это тебе не «Тинтин». Договорились?

– Постойте… – Снова Готорну удалось выбить меня из равновесия. – Откуда вы знаете про «Тинтина»? Я вам ничего такого не говорил!

– Ты сказал, что работаешь со Спилбергом, а он как раз занимается режиссурой…

– Он продюсирует.

– Так что же заставило тебя передумать? Жена? Небось решающее слово всегда за ней?

– Так, стоп! – воскликнул я. – Если хотите выработать правила, вот вам главное: никогда не спрашивайте о моей личной жизни! О книгах, о сериалах, о семье, о друзьях…

– Показательно, в каком порядке ты их расположил…

– Я напишу о вас, об этом деле, и когда вы его раскроете – если вам, конечно, удастся, – посмотрим, смогу ли я заинтересовать своего издателя. Запомните одно – я не позволю на меня давить! Это моя книга, и решать, что в ней и как, буду я!

Готорн удивленно поднял брови.

– Спокойно, Тони! Я всего лишь хотел помочь.

В итоге мы пришли к соглашению: я больше не показываю Готорну черновик – уж точно не в процессе и вряд ли даже после окончания. Я буду писать о чем хочу, критиковать его действия, вставлять свои размышления по ходу и так далее. Как только дело дойдет до места преступления, допросов и прочих моментов, я буду строго придерживаться фактов: воздержусь от излишних фантазий, экстраполяций и тому подобного, чтобы не уводить читателя в сторону.

Что касается первой главы – забудьте про колокольчик и ручку «Монблан». Дайана Каупер обедала с Реймондом Клунсом, а Андреа Клюванек, возможно, лжет; зато все остальное, включая улику, явно указывающую на личность убийцы, абсолютно достоверно – ручаюсь.

4. Место преступления

В понедельник утром я отправился осматривать место преступления. У дома торчал полицейский; калитку преграждала полосатая лента с надписью: «Полиция! Не входить!» – однако он впустил меня, даже не спросив имени: видимо, его предупредили. Я обогнул небольшую лужу у крыльца и вошел в дом.

С момента убийства прошло четыре дня. В выходные я просматривал копии полицейских отчетов, присланные Готорном; к письму он прикрепил записку с просьбой явиться на место к девяти утра.

Обычно я посещаю сцены преступления, которые сам же и создал. Нет нужды их описывать: режиссер, ассистент по натурным съемкам, художник-постановщик и бутафоры все сделают за меня – от мебели до цвета стен. Я больше сосредоточен на деталях: треснутое зеркало, кровавый отпечаток на подоконнике; словом, все, что важно для развития сюжета, хотя они могут появиться и не сразу – зависит от того, куда направлена камера. Я часто переживаю, что комната покажется зрителям слишком большой для предполагаемой жертвы, однако на съемках сюда влезают человек десять-двадцать, и никто их не замечает. Обычно съемочный павильон настолько забит актерами, техниками, световыми приборами, проводами, тележками и прочим, что невозможно представить, как сцена будет выглядеть на экране.

Вообще, надо сказать, для писателя это очень странное ощущение – присутствовать на съемочной площадке. Трудно объяснить волнение, с каким я вхожу в мир, возникший первоначально в моей голове и воплощенный другими. Правда, тут я совершенно бесполезен, и где бы я ни стоял, обязательно буду мешаться под ногами; тем не менее съемочная бригада неизменно вежлива со мной, даже если нам нечего сказать друг другу. Моя работа закончена, их работа только начинается. Я прихожу, сажусь на складной стул с моей фамилией на спинке, наблюдаю со стороны, болтаю с актерами. Иногда мне приносят чай в пластиковом стаканчике. Словом, ничего особенного; и все же приятно, что это мое, некая частичка меня…

Другое дело – гостиная миссис Каупер. Ступив на толстый ковер с цветочным узором, оглядев хрустальную люстру, псевдоантикварную мебель, «Кантри лайф» и «Вэнити фэйр» на кофейном столике, книги на стеллажах (современная литература, твердая обложка, ничего моего), я почувствовал себя чужаком, словно зашел в музей, бывший когда-то частной квартирой.

Тут и там виднелись желтые ярлычки с номерами вещественных улик, хотя их было не так много. На комоде стоял полный стакан (12) с содержимым, напоминающим воду, а рядом с ним – кредитка (14) на имя Дайаны Каупер. Важные улики? Трудно сказать с первого взгляда…

В комнате три окна, на каждом – пара бархатных занавесей до пола. Пять из них подвязаны красным шнурком с кисточкой, последний (6), ближайший к двери, висит свободно. Тут я вспомнил, что прямо на этом месте совсем недавно задушили женщину. Невольно перед внутренним взором предстала картина: выпученные глаза, руки молотят по воздуху… Я глянул вниз и заметил на ковре пятно, отмеченное двумя номерками: перед смертью у жертвы опорожнился кишечник. Как правило, для зрителей канала Ай-ти-ви я стараюсь не акцентироваться на таких подробностях.

В комнату вошел Готорн, одетый, как всегда, в тот же костюм (все, больше нет нужды это повторять). На ходу он ел сэндвич, и до меня не сразу дошло, что он приготовил его самостоятельно на кухне миссис Каупер. Я так и застыл на месте.

– Чего? – прошамкал он полным ртом.

– Ничего.

– Ты уже завтракал?

– Спасибо, я не голоден.

Должно быть, он уловил неприязнь в моем тоне.

– Жалко выбрасывать, а ей все равно уже не понадобится. Ну что скажешь? – Он неопределенно повел рукой с сэндвичем вдоль комнаты.

Я не знал, что ответить. В гостиной было очень чисто. Кроме телевизора с плоским экраном – он скорее стоял на стойке, чем был прикреплен к стене, – все принадлежало прошлой эпохе. Дайана Каупер жила опрятно: журналы разложены ровно так, как нужно, элементы декора – стеклянные вазы, китайские фигурки – регулярно протирались от пыли. Она даже умерла опрятно:

никаких следов борьбы. Нападавший оставил лишь грязный отпечаток ботинка на ковре у двери. Представляю, как нахмурилась бы хозяйка. К тому же ее не избили, не изнасиловали. В каком-то смысле это убийство можно считать… сдержанным.

– Она знала убийцу, но не близко, – нарушил молчание Готорн. – Мужчина ростом по меньшей мере шесть футов, плотного телосложения, близорукий. Пришел с четким намерением убить и надолго не задержался. Миссис Каупер вышла на кухню, оставив его одного – надеялась, что сам уйдет. Совершив убийство, он обыскал дом и прихватил кое-какие вещи, но лишь для отвода глаз. Тут что-то личное…

– Откуда вы все знаете?

Едва произнеся эти слова, я тут же рассердился на себя – угодил прямо в расставленную ловушку!

– Когда он пришел, было уже темно, – пояснил Готорн. – В окрестностях недавно прокатилась волна ограблений. Одинокая женщина средних лет, живущая в престижном районе, не станет открывать дверь незнакомцу. Определенно, это был мужчина. Я, конечно, слышал о женщинах-душительницах, но они встречаются крайне редко, поверь на слово. Рост жертвы – пять футов три дюйма; удобства ради предположим, что убийца был выше. Подъязычная кость сломана – это говорит о достаточной физической силе; хотя надо признать, жертва была старой склочницей, так что могла и сама сломать рано или поздно… Откуда я знаю, что он пришел ее убить? По трем причинам. Во-первых, убийца не оставил следов. Вечер был теплый, однако он позаботился надеть перчатки. Далее, он не задержался надолго. Как видишь, в комнате нет ни кофейных чашек, ни пустых бокалов. Дело было около шести: приятелю она предложила бы выпить.

– Он мог торопиться, – предположил я.

– Взгляни на диванные подушки – он даже не присел.

Я подошел к комоду и едва удержался, чтобы не взяться за стакан. Странно, что полиция его оставила.

– А разве они не должны были забрать содержимое на анализ? – спросил я.

– Уже принесли обратно.

– Зачем?

– Для меня.

Он криво улыбнулся и прикончил остатки сэндвича.

– Значит, кто-то все-таки пил…

– Это всего лишь вода. Думаю, дело было так: перед уходом он попросил стакан воды, чтобы она вышла из комнаты. Тогда у него появилось время снять шнур с занавески. При ней он не мог этого сделать, логично?

– Но он не пил?

– Не хотел оставлять свою ДНК.

– А кредитка?

На карточке значилось: МИССИС ДАЙАНА ДЖ. КАУПЕР; выпущена банком «Баркли», срок истекает в ноябре – через полгода.

– А вот это уже интересно. Почему кредитка не в кошельке? Жертва вытащила ее, чтобы расплатиться? Отпечатки пальцев принадлежат лишь владелице. Хорошо, предположим: кто-то попросил ее расплатиться, и пока она возилась с кошельком, подкрался сзади и задушил. Нет, тогда карточка валялась бы на полу… – Готорн покачал головой. – С другой стороны, это может и не иметь отношения к делу. Посмотрим…

– Вы сказали, что убийца близорук, – напомнил я.

– Ага…

– Потому что он не заметил бриллиантового кольца на пальце, – встрял я, не давая Готорну шанса разжевать все самому. – Наверное, стоит целое состояние.

– Нет-нет, приятель, как раз наоборот. Кольцо ему было совершенно неинтересно. Он взял кое-какие драгоценности и ноутбук, чтобы выглядело как ограбление, но то ли забыл про кольцо, то ли не смог снять, а с секатором решил не заморачиваться. Нет, убийца никак не мог его просмотреть, он же приблизился к ней вплотную, пока душил.

– Тогда откуда вы знаете, что у него плохое зрение?

– Он наступил в лужу у крыльца и оставил отпечаток на ковре. Кстати, похоже на мужской ботинок. Во всем остальном он действовал осмотрительно, упустил лишь эту деталь. Ты не хочешь записать?

– И так запомню. – Я достал айфон. – Только сниму кое-что, если можно.

– Валяй. – Готорн указал на черно-белую фотографию мужчины около сорока. – Вот его не забудь.

– А кто это?

– Скорее всего, муж – Лоуренс Каупер.

– В разводе?

Готорн бросил на меня иронический взгляд.

– По-твоему, она стала бы хранить фотографию бывшего? Он умер двенадцать лет назад – рак.

После этого мы с Готорном обошли весь дом, комнату за комнатой; я фотографировал все, на что он указывал. Начали с кухни, похожей на выставочный образец: оборудована по последнему слову техники, однако использовалась явно редко. При желании хозяйка могла бы готовить еду ресторанного уровня на десятерых, а сама наверняка ужинала вареным яичком и парой тостов. Холодильник был покрыт магнитами: классическое искусство и

знаменитые цитаты Шекспира. Наверху – жестяная коробка с изображением принца Каспиана из фильма про Нарнию. Взяв полотенце, Готорн осторожно открыл ее и заглянул внутрь: пара монет, больше ничего.

В кухне царил порядок, каждая вещь на своем месте. На подоконнике – книги рецептов от шеф-поваров Джейми Оливера и Оттоленгхи; на полке возле тостера – блокноты и недавние письма; в углу – доска с планом покупок на неделю. Готорн просмотрел письма и вернул на место. К стене крепился держатель в виде деревянной рыбы с пятью крючками, на которых висели ключи – четыре комплекта, каждый аккуратно помечен: входная дверь, задняя дверь, подвал и «Стонор-Хаус».

– А это что такое? – спросил я.

– Дайана Каупер жила там до переезда в Лондон. Это в Уолмере, графство Кент.

– Странно, что она сохранила ключ…

В ящике лежали старые письма и счета, а также буклет мюзикла под названием «Марокканские ночи». На обложке – изображение автомата Калашникова, плечевой ремень свернут в форме сердца. На первой странице – список продюсеров; среди них значился Реймонд Клунс.

Из кухни мы поднялись в спальню, минуя старые театральные программки, развешанные по стенам в рамочках: «Гамлет», «Буря», «Генрих V», «Как важно быть серьезным», «День рождения»; на каждой – Дэмиэн Каупер. Готорн пер наверх, как бульдозер, но я вошел в спальню с неожиданным чувством неловкости, снова ощущая себя незваным гостем. Всего лишь несколько дней назад здесь раздевалась пожилая женщина, стоя перед большим зеркалом, и укладывалась в двуспальную кровать с книгой Стига Ларссона «Девушка, которая играла с огнем», лежащей на тумбочке. Ну, по крайней мере, миссис Каупер пропустила разочаровывающий конец. Две подушки, на одной – вмятина. Я представил себе, как она просыпается в теплой постели, пахнущей лавандой… Больше уже не проснется. Смерть всегда была для меня скорее необходимостью, средством продвижения сюжетной линии; однако сейчас, стоя в спальне недавно умершей женщины, я почувствовал ее совсем рядом.

Меж тем Готорн деловито рылся в ящиках, шкафах и тумбочках. На туалетном столике красовалась фотография Дэмиэна Каупера в рамочке. Я едва его узнал, хотя, честно говоря, у меня плохая память на лица; да и вообще все эти молодые красивые актеры похожи друг на друга… особенно когда переезжают в Голливуд.

Позади обувной полки Готорн обнаружил сейф, все еще запертый, скорчил гримасу, но тут же забыл о нем. Я зачарованно следил за его действиями, а он не обращал на меня ни малейшего внимания. Готорн напоминал мне собаку-ищейку в аэропорту: казалось бы, нет никаких причин подозревать в чемоданах бомбу или наркотики, однако пес методично обнюхивает каждый и обязательно что-нибудь найдет. У Готорна был тот же самый неопределенно-сосредоточенный вид.

Из спальни он переместился в ванную комнату. На бортиках громоздилась куча маленьких бутылочек, штук двадцать, не меньше: похоже, у миссис Каупер была привычка забирать из отелей шампунь и гель для душа. Готорн открыл шкафчик над раковиной и вытащил три пакетика «Темазепама» – снотворное.

– Интересно… – пробормотал он, наконец нарушив молчание.

– О чем-то переживала, – предположил я. – Не могла заснуть.

На верхнем этаже располагались две гостевые комнаты. Ими давно не пользовались: слишком чисто и прохладно, отопление выключено ради экономии. Готорн быстренько осмотрелся и вышел в коридор.

– Как думаешь, куда делся кот? – неожиданно спросил он.

– Какой еще кот?

– Серый, персидский. Такие, знаешь, похожи на шерстяной мячик.

– Я не видел никаких фотографий кота.

– Я тоже.

Объяснений не последовало, и я вдруг почувствовал раздражение.

– Если вы и правда хотите, чтобы я о вас писал, я должен понимать, как вы работаете. Не надо подвешивать в воздухе категоричные утверждения!

Готорн нахмурился, пытаясь взять в толк, о чем я, затем кивнул.

– Тони, это ведь очевидно! На кухне на полу стоит миска. И еще подушка в спальне – разве ты не заметил?

– Вмятина? Я думал, от ее головы.

– Сомневаюсь, приятель. Вряд ли у нее были короткие шелковистые волосы, пахнущие рыбой. Она спала на левой стороне кровати, там, где книжка на тумбочке, а кошка – справа. Крупная, тяжелая. Скорее всего, перс – таких чаще заводят одинокие пожилые женщины. Только вот где он?..

– Может, полиция забрала?

– Может.

Мы вновь спустились на первый этаж, где выяснилось, что мы не одни: в гостиной на диване сидел мужчина в дешевом костюме, широко расставив ноги; на колене – папка с документами. Галстук висел криво, две пуговицы рубашки расстегнуты. Судя по всему, курильщик. Все в нем было какое-то… нездоровое: цвет лица, редеющие волосы, сломанный нос, складка живота, выпирающая над ремнем брюк. Он был примерно одних лет с Готорном, но крупнее, напоминал обрюзгшего боксера на пенсии. Я часто видел таких по телевизору – не в кино, а в новостях: стоя в коридоре, на выходе из зала суда, они неловко зачитывают на камеру подготовленное заявление.

– Готорн, – произнес он безо всякого энтузиазма.

– Инспектор Мидоуз! – Это прозвучало иронически, словно пришелец не заслуживал своего звания. – Здорово, Джек, – добавил Готорн.

– Когда мне сказали, что привлекли тебя к делу, я сперва не поверил – вроде все и так ясно. – Тут инспектор заметил меня. – А вы кто такой?

Я заколебался, не зная, как объяснить свою роль.

– Это писатель, – вмешался Готорн. – Он со мной.

– О тебе, что ли, пишет?

– О деле.

– Надеюсь, у тебя есть на это разрешение. – Инспектор помедлил. – Я все тебе оставил, разложил как было. Пустая трата времени, если хочешь знать мое мнение.

– Не хочу, Джек.

Мидоуз проглотил щелчок по носу.

– Ну что, все осмотрел? Закончил?

– Как раз собирался уходить. – Однако Готорн не сдвинулся с места. – Значит, говоришь, дело ясное? И какие же у тебя соображения?

– Свои соображения я оставлю при себе, если не возражаешь.

Мидоуз лениво встал. Он оказался крупнее, чем я думал, и возвышался над нами обоими, как скала. Неторопливо собрав бумаги, он помедлил, словно раздумывая, и наконец протянул их Готорну.

– Велели тебе передать.

В папке лежали фотографии, отчеты судмедэкспертов, свидетельские показания и записи телефонных разговоров, совершенных с домашнего и мобильного телефона Дайаны Каупер за последние две недели. Готорн взглянул на верхнюю страницу.

– В восемнадцать тридцать одну жертва отправила смс.

– За две минуты до убийства. «Моего убийцу зовут… АААААААА!» – Инспектор улыбнулся своей шутке. – Прочел, ничего не понял, так что сам разбирайся.

Он подошел к стакану воды на комоде.

– Я заберу, если не возражаешь.

– Валяй.

Тут я впервые обратил внимание на то, что Мидоуз был в перчатках. Засунув стакан в специальную пластиковую штуковину, он поднял его, намереваясь унести с собой.

– Единственные отпечатки на стакане принадлежат хозяйке, – сказал Готорн. – Из него никто не пил, следов ДНК нет.

– Ты уже видел отчет? – озадачился Мидоуз.

– Нет необходимости, приятель, это очевидно! – Готорн улыбнулся. – Заглядывал в жестянку на кухне?

– Пара монеток, никаких отпечатков.

– И неудивительно. – Готорн покосился на комод. – А кредитка?

– В смысле?

– Когда ею пользовались в последний раз?

– Все подробности финансовых дел тут. – Мидоуз кивнул на папку. – Двенадцать тысяч фунтов на личном счете, еще две сотни тысяч – на сберегательном. Дела у нее были в порядке. – Тут он вспомнил вопрос. – Последний раз убитая пользовалась кредиткой три дня назад в «Хэрродс».

– Копченый лосось и сливочный сыр.

– Откуда ты знаешь?

– Нашел на кухне, съел на завтрак.

– Это же вещественные доказательства!

– Уже нет.

Мидоуз скорчил гримасу.

– Еще вопросы будут?

– Да. Вы нашли кота?

– Какого кота?

– Понятно.

– Ну тогда развлекайся.

Мидоуз держал стакан, словно фокусник, собирающийся наколдовать внутри золотую рыбку.

– Рад был познакомиться, – кивнул он мне. – Только будьте осторожны, держитесь от него подальше, особенно на лестнице.

Довольный своей шуткой, инспектор в последний раз обвел взглядом комнату и вышел, держа стакан перед собой.

5. Почти годовщина

– О чем это он? Что за прикол про лестницы?

– Ни о чем. Чарли Мидоуз – придурок, не обращай внимания.

– Чарли? Вы же говорили – Джек!

– Его все так зовут.

Мы сидели на веранде кафе неподалеку от станции Фулэм Бродвей, чтобы Готорн мог спокойно курить – к счастью, светило солнце. Он просматривал документы, полученные от Мидоуза, и передавал их мне для ознакомления. Меня поразили фотографии Дайаны Каупер до и после смерти: труп, который обнаружила Андреа Клюванек, был совсем не похож на активную, элегантную светскую львицу, что вкладывала деньги в театральные постановки и обедала в дорогих ресторанах Мейфера.

Свидетельские показания Андреа были записаны слово в слово, в точности воспроизводя ее ломаный английский:

«Я приходить одиннадцать часов. Начало мое рабочее время. Я видеть ее и сразу понимать – случился что-то ужасное».

Прилагалась и фотография: стройная женщина с круглым лицом настороженно смотрит в камеру; короткие, торчащие ежиком волосы придают ей мальчишеский вид. Готорн упоминал, что у нее имеется судимость; и все же трудно представить ее в роли убийцы – слишком хрупкая.

Глядя на стол, заваленный бумагами, я вдруг подумал, что Готорн запросто может раскрыть преступление, не сходя с места, за кофе с сигаретой. Не хотелось бы – тогда книга выйдет слишком короткой.

– Давно вы его знаете? – спросил я.

– Кого?

– Мидоуза.

– Мы работали в одном подразделении в Патни; у него был кабинет по соседству. Я, конечно, дело хорошо знаю, но пару раз все же случалось переходить на темную сторону.

– Не понял?

– Просить о помощи другую команду. Например, когда мы проводим повальные обыски и все такое… – Готорн явно стремился сменить тему. – Ты не хочешь поговорить о Дайане Каупер?

– Нет, я хочу поговорить о вас.

Готорн не отрывал взгляда от бумаг, разложенных на столе. Все понятно без слов: его интересует только расследование. Тем не менее это моя территория, и я решил не отступать.

– У нас ничего не выйдет, если вы не впустите меня в свою жизнь. Я должен узнать вас получше.

– Я никому не интересен.

– Если это и вправду так, книгу никто не купит.

Готорн прикурил очередную сигарету. Впервые за последние тридцать лет мне захотелось стрельнуть.

– Послушайте, – осторожно продолжал я, – этот жанр не зря называется «детективы», а не «истории о жертвах убийств» или «истории о преступниках». Я сильно рискую: если вы раскроете преступление прямо сейчас, мне не о чем будет писать. Хуже того: если вы его не раскроете, то, выходит, я зря потратил время. Таким образом, ваша личность имеет значение. Если бы я смог найти в вас какую-то… человечинку, это очень помогло бы в работе, так что не отмахивайтесь от моих вопросов. Нельзя вечно прятаться за стеной.

Готорн слегка подался назад. Бледная кожа и беспокойные, почти детские глаза придавали ему чуть ли не беззащитный вид.

– Я не хочу говорить о Мидоузе – он меня не любит. И когда дерьмо попало в вентилятор, он был рад.

– Какое дерьмо? В какой вентилятор?

– Ну когда я ушел.

Готорн явно не собирался продолжать, поэтому я мысленно сделал себе пометку вернуться к этой теме позже – сейчас определенно не время. Я открыл заранее припасенный блокнот и вытащил ручку.

– Ладно. Пока сидим, я хотел бы задать вам несколько вопросов. Я даже не знаю, где вы живете.

Возникла пауза. Похоже, из него все придется клещами вытягивать.

– В Гэнтс-Хилл, – произнес он наконец.

Я часто проезжаю мимо Гэнтс-Хилл – это в нескольких милях к северо-востоку от Лондона, по пути в Саффолк.

– Вы женаты?

– Да… – Помолчав немного, Готорн добавил: – Мы больше не вместе. Не спрашивай.

– За какую команду болеете?

– «Арсенал».

Это прозвучало без особого энтузиазма – вряд ли он настоящий футбольный фанат.

– В кино ходите?

– Иногда. – Он начинал терять терпение.

– А музыка?

– Что музыка?

– Классика? Джаз?

– Да вообще особо не слушаю.

– У вас есть дети?

Готорн рывком выдернул сигарету изо рта и нацелил ее на меня, словно отравленный дротик. Я понял, что зашел слишком далеко.

– Так, хватит! – рявкнул он, и я тут же ощутил себя в полицейском участке, в кабинете для допросов. В его взгляде читалось едва ли не презрение. – Да пиши ты что хочешь, какая разница?! Я не намерен играть в дурацкие анкеты! У меня на руках жертва, задушенная в собственном доме, – вот что мне сейчас важно! – Готорн схватил со стола какой-то листок. – Тебе интересно или нет?

Я мог бы встать и уйти домой, выбросив эту историю из головы (и зря не ушел, учитывая последующие события), но я только что покинул место преступления. И словно познакомился с Дайаной Каупер лично.

– Ладно. – Я отложил ручку. – Покажите.

Листок оказался распечаткой скриншота с текстом сообщения, которое Дайана Каупер отправила сыну за две минуты до смерти:

«Я видела Ларри и я боюсь»

– Ну, что скажешь?

– Здесь нет точки – значит, ее прервали на полуслове, не дали дописать, чего именно она боится.

– Или просто боится – и все, а на точку наплевать, не то состояние, чтобы заботиться о пунктуации.

– Мидоуз был прав – ерунда какая-то…

– Тогда прочти вот это – может, прояснится.

Готорн вытащил еще несколько листов – копии газетных страниц десятилетней давности.

«Дейли Мейл».

Пятница, 10 июня 2001 года

МАЛЬЧИК ПОГИБ В ДТП,

ВОДИТЕЛЬ СКРЫЛСЯ С МЕСТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ.

Восьмилетний мальчик борется за свою жизнь, а его брат-близнец погиб в результате аварии: близорукая женщина-водитель сбила детей и поспешно уехала.

Ларри Гудвин получил тяжкие повреждения, включая травмы черепа и рваные раны головы. Сейчас он в критическом состоянии, однако доктора обещают улучшение. Его брат, Тимми, умер на месте.

Трагедия произошла в шестнадцать тридцать на прибрежном курорте Дил, графство Кент.

Двое детей, которых называли «неразлучными», возвращались в отель со своей няней, Мэри О’Брайан. Со слов няни: «Машина выехала из-за угла. Женщина за рулем даже не попыталась сбросить скорость: она сбила детей и тут же уехала. Я работаю в этой семье уже три года и тяжело переживаю утрату. Не могу поверить, что она не остановилась».

Полиция арестовала пятидесятидвухлетнюю женщину.

«Телеграф»

Суббота, 11 июня 2001 года

ПОЛИЦИЯ АРЕСТОВАЛА ЖЕНЩИНУ,

СБИВШУЮ БЛИЗНЕЦОВ

Стало известно имя женщины, насмерть сбившей восьмилетнего Тимми Гудвина и нанесшей серьезные травмы его брату, – это миссис Дайана Каупер, проживающая в Уолмере, графство Кент. В день аварии она возвращалась из гольф-клуба «Ройял Чинк Портс».

В клубе миссис Каупер выпила с друзьями в пределах допустимой нормы. Свидетели подтвердили, что она не превышала скорость, однако вела машину без очков. Полиция провела тест и выяснила, что миссис Каупер не смогла разглядеть номерной знак с расстояния 25 футов.

Ее адвокаты сделали следующее заявление: «Наша клиентка возвращалась домой из гольф-клуба. К сожалению, она забыла взять очки, но посчитала, что сможет проехать относительно короткое расстояние без них. Миссис Каупер признает, что запаниковала и уехала с места аварии, однако полностью осознала серьезность произошедшего и позвонила в полицию через два часа».

Миссис Каупер предъявлены обвинения по статье 1, 170 (2) и (4) ПДД от 1988 года: причинение смерти в результате неосторожного вождения и оставление

места ДТП.

Миссис Каупер указала свой адрес: Ливерпуль-роуд, Уолмер. Как стало известно, она потеряла супруга, скончавшегося после продолжительной болезни. Ее 23-летний сын Дэмиэн Каупер – актер «Шекспировской Королевской компании».

«Таймс».

Вторник, 8 ноября 2001 года

ВОДИТЕЛЬНИЦА-УБИЙЦА

ВЫХОДИТ НА СВОБОДУ.

СЕМЬЯ ТРЕБУЕТ ИЗМЕНИТЬ ЗАКОН

Мать восьмилетнего мальчика, погибшего в аварии, высказала свое мнение по поводу освобождения из-под стражи виновницы ДТП.

В результате аварии, произошедшей в прибрежном городке Дил, графство Кент, Тимми Гудвин умер на месте, а его брат Ларри получил серьезные повреждения мозга. Водитель Дайана Каупер не заметила детей вовремя: как выяснилось, она оставила свои очки в гольф-клубе и была не в состоянии четко видеть дальше двадцати футов.

Кентерберийский королевский суд постановил, что миссис Каупер не нарушила закон, не надев очки. Судья Найджел Уэстон обратился к обвиняемой: «Было неразумно с вашей стороны садиться за руль без очков, однако их ношение не является обязательным по закону. Кроме того, я не сомневаюсь в вашем искреннем раскаянии. В свете вышесказанного я считаю, что лишение свободы в данном случае не является уместной мерой наказания».

Миссис Каупер лишили водительских прав сроком на год и предписали оплатить судебные издержки в сумме 900 фунтов. Кроме того, судья предложил три месяца так называемой «восстановительной терапии», однако семья мальчиков отказалась встречаться с обвиняемой.

На выходе из зала суда Джудит Гудвин заявила: «Нельзя садиться за руль, если у тебя плохое зрение. Если это не запрещено законом, значит, закон нужно изменить. Мой сын погиб, второй покалечен, а ее лишь слегка шлепнули по руке – это несправедливо».

Представитель благотворительной организации «Притормози!» считает, что «водитель обязан полностью контролировать себя на дороге; в противном случае пользоваться автомобилем нельзя».

– Все это произошло ровно десять лет назад! – воскликнул я, сопоставив даты всех статей.

– Девять лет и одиннадцать месяцев, – поправил Готорн. – Авария случилась в начале июня.

– Все равно, практически круглая дата. И мальчик выжил…

Я взял листок с эсэмэской и снова прочел: «…искалеченного мальчика».

– Думаешь, тут есть связь?

Я уловил сарказм, однако не попался на удочку.

– Вы знаете, где она живет? – спросил я. – Джудит Гудвин?

Готорн порылся в бумагах.

– Где-то в районе Харроу.

– А что же они делали в Кенте?

– Наверное, отдыхали. Первая неделя июня – летние каникулы.

Похоже, у Готорна все-таки есть дети, иначе откуда бы он знал? Однако я не рискнул еще раз затронуть тему и лишь спросил:

– Мы поедем к ней?

– Не стоит торопиться. К тому же у нас встреча с мистером Корнуоллисом.

Я тупо уставился на него, совершенно забыв, о ком идет речь.

– Гробовщик, – напомнил Готорн и принялся собирать документы в пачку, подтягивая их к себе, словно фокусник – колоду карт. Интересно получается: несмотря на явную неприязнь инспектора Мидоуза, кто-то в верхах воспринимает Готорна всерьез. Место преступления оставили нетронутым, его держат целиком и полностью в курсе дел…

Готорн затушил сигарету.

– Пойдем.

И снова за кофе пришлось платить мне.

* * *

Мы сели на автобус № 14 – тот самый, на котором Дайана Купер ездила в день смерти, «проследовали», как сказал бы Готорн, «по маршруту жертвы» до Фулэм-роуд, вышли в 12:26 и направились в похоронное бюро.

В последний раз я заходил в похоронное бюро, когда умер отец, а это было давным-давно – мне тогда едва исполнился двадцать один год. Хотя он долго и тяжело болел, его смерть повергла всю семью в шок. По причинам, непонятным мне до сих пор, организацией похорон занялся мой дядя. После долгих лет агностицизма отец вдруг возжелал ортодоксального погребения. Наверняка дядя считал, что оказывает нам помощь; к сожалению, он был излишне самоуверенным, даже хамоватым человеком и никогда мне не нравился. В

общем, мы с ним пошли в агентство. В еврейских семьях хоронят очень быстро, так что я даже не успел толком осознать происходящее. Смутно помню просторный темный зал, больше похожий на отделение утерянных вещей на вокзале. За прилавком – бородатый коротышка в плохо сидящем костюме и ермолке: то ли сам распорядитель, то ли его помощник. Словно в кошмаре, меня окружает толпа людей – клиенты или персонал? Не было чувства защищенности, приватности.

Дядя долго торговался с человеком за прилавком, обсуждая различные виды гробов и прочие аспекты, даже не спрашивая моего мнения. Постепенно они начали повышать голос, и в какой-то момент я вдруг осознал, что завязалась ссора. Дядя обвинил гробовщика в жульничестве; тот побагровел и заорал, тыкая пальцем в нашу сторону и брызгая слюной:

– Хотите красное дерево – так и платите за красное дерево!

Понятия не имею, в каком гробу похоронен мой отец, и, честно говоря, мне без разницы. Ярость гробовщика эхом отдавалась в памяти почти сорок лет, и это определило мои планы на собственные похороны: краткие, дешевые и нерелигиозные.

Все еще во власти воспоминаний, я последовал за Готорном в агентство «Корнуоллис и сыновья», прикрыв (бесшумно!) за собой дверь.

Интерьер агентства почти не отличался от моего описания; поменьше и не такой угрожающий, как та контора из прошлого (хотя, конечно, в этот раз я был никак не связан с происходящим). Готорн представился Айрин Лоуз, и та провела нас в кабинет Роберта Корнуоллиса в конце коридора – тот самый, в котором Дайана Каупер сделала последние распоряжения (весьма своевременные). На этот раз Айрин осталась, основательно устроившись в кресле, словно неожиданная смерть миссис Каупер была ее личным недосмотром и она должна отчитаться вместе с кузеном. И снова я невольно задался вопросом: каково работать здесь, в комнате, уставленной крошечными урнами – постоянным напоминанием о том, что все твои жизненные достижения однажды легко уместятся внутри одной такой.

Кстати, Готорн опять меня не представил. Видимо, все принимают меня за его ассистента.

– Я уже разговаривал с полицией, – начал Корнуоллис.

– Да, сэр.

Примечательно, что Готорн назвал его «сэром». Я сразу оценил этот момент: со свидетелями, подозреваемыми и прочими лицами, которые могут помочь в расследовании, он ведет себя иначе – играет роль человека заурядного, даже слегка заискивает. Чем больше я его узнавал, тем больше понимал: Готорн действует весьма целенаправленно: разговаривая с ним, люди бессознательно расслабляются. Им невдомек, что он только и ждет удобного момента, готовясь вскрыть их изнутри. Для него вежливость – всего лишь маска хирурга, которую он надевает, берясь за скальпель.

– Вследствие необычного характера преступления меня попросили провести независимое расследование. Прошу прощения, что отнимаю у вас время… – Готорн оскалился, как голодный крокодил. – Вы не против, если я закурю?

– Вообще-то…

Поздно – зажигалка уже щелкнула. Миссис Лоуз нахмурилась и пододвинула к нему оловянное блюдце вместо пепельницы. Я заметил гравировку на боку: «Главе лучшего похоронного бюро. Роберт Дэниэл Корнуоллис. 2008»

– Будьте добры, опишите вашу встречу с миссис Каупер с самого начала.

Роберт Корнуоллис воспроизвел разговор спокойным, размеренным тоном, каким привык общаться с безутешными родственниками. Хотя Готорн и критикует «приукрашения» в первой главе, его рассказ более-менее совпадает с моим. Миссис Каупер вела себя разумно, деловито и точно знала, чего хотела. Она пришла без предварительной записи и ушла сразу же, как только они достигли соглашения.

Задним числом должен сказать, что я был немного несправедлив к Роберту Корнуоллису. Во власти собственных фантазий и представлений о профессии я описал его сморщенным и печальным, однако на этот раз меня поразила его заурядность. Уберите трупы, бальзамические жидкости, погребение и слезы, и, я уверен, с ним приятно поболтать на вечеринке (если не спрашивать, чем он занимается).

– Как долго продлился визит миссис Каупер? – поинтересовался Готорн.

Айрин словно ждала этого вопроса и ответила с механической точностью говорящих часов:

– Она пробыла здесь чуть больше пятидесяти минут.

– Около часа, – согласился Корнуоллис. – Мы тщательно обсудили все детали и стоимость.

– Сколько она собиралась заплатить?

– Айрин предоставит вам полный отчет. У миссис Каупер уже имелся участок на Бромптонском кладбище – это сэкономило кучу денег. В последние годы цена на участки значительно возросла. Окончательные цифры, включая церковное отпевание и могильщиков, составляют 3000 фунтов.

– 3170, – поправила его мисс Лоуз.

– Платила кредиткой?

– Да. Оплатила полную стоимость, хотя у нас предусмотрена отсрочка на десять дней на случай, если клиент передумает. В этом смысле мы похожи на продавцов стеклопакетов.

Корнуоллис улыбнулся своей шутке, Айрин Лоуз нахмурилась.

– А что вы делаете с деньгами? – спросил я. – Если бы она не умерла…

– Мы бы положили деньги на депозит. Мы являемся бенефициарами трастового фонда «Золотая хартия», в котором выгодно размещаются платежи клиентов с учетом инфляции.

Где-то на заднем плане сознания мелькала мысль: агентству выгодна смерть миссис Каупер, поскольку они первыми выиграют от этого. Впрочем, если она уже заплатила, то верно скорее обратное. Хорошо, что я промолчал…

И все же Готорн бросил на меня сердитый взгляд, ясно давая понять, что моя реплика неуместна.

– В каком она была настроении? – спросил он, резко меняя тему.

– Как и все приходящие сюда, – ответил Корнуоллис. – Чувствовала себя немного не в своей тарелке, по крайней мере, поначалу. В нашей стране не принято говорить о смерти. Очень жаль, что мы не переняли практику швейцарцев, которые придумали так называемое Cafe Mortel[4 - «Кафе смерти» (фр.) – культурная практика в некоторых европейских странах, суть которой состоит в том, что группы людей собираются и обсуждают тему смерти и все, что с ней связано.] – возможность обсуждать подобные вопросы за чашкой чая.

– Кстати, я бы не отказался от чашечки чая, – вставил Готорн.

Корнуоллис покосился на кузину; та поднялась и вышла из комнаты.

– Значит, миссис Каупер заранее продумала детали?

– Да, у нее все было записано.

– У вас сохранился этот документ?

– Нет, она забрала его с собой. Я сделал копию, а затем послал ей вместе с остальными бумагами.

– На ваш взгляд, миссис Каупер торопилась?

– Нет, она не чувствовала себя в опасности, если вы на это намекаете. – Корнуоллис покачал головой. – Мистер Готорн, планирование собственных похорон – вполне обычная практика. Она не болела, не была взволнована или напугана. Когда мы с миссис Лоуз услышали новости, то были шокированы…

– Зачем вы звонили миссис Каупер?

– Прошу прощения?

– У меня есть записи ее телефонных разговоров: вы звонили ей без пятнадцати два. В это время она ехала на собрание директоров в театр «Глобус». Вы разговаривали минуты полторы.

– Да, вы правы. Мне нужен был номер участка на кладбище для регистрации погребения. – Корнуоллис улыбнулся. – Единственная информация, которую миссис Каупер не предоставила. Пожалуй, стоит упомянуть еще одну вещь: когда я ей позвонил, она с кем-то ссорилась – на заднем фоне слышались голоса. Обещала перезвонить, но увы…

Вернулась Айрин Лоуз с чаем для Готорна и поставила чашку на стол, звякнув блюдечком.

– Я могу вам еще чем-то помочь? – спросил Корнуоллис.

– Я бы хотел уточнить… Вы оба разговаривали с ней?

– Айрин проводила ее в мой кабинет.

– Я встретила ее на входе, однако не присутствовала при разговоре, – уточнила Айрин.

– Она не оставалась одна в кабинете?

– Какой странный вопрос… – нахмурился Корнуоллис. – Почему вы спрашиваете?

– Так, просто интересуюсь.

– Нет, я все время был с ней.

– Перед уходом она зашла в уборную, – уточнила миссис Лоуз.

– То есть в туалет?

– Ну да, я так и сказала. Я проводила ее до места, а потом до выхода. На мой взгляд, она была в отличном настроении, когда уходила; даже, можно сказать,

испытывала облегчение – как и большинство посетителей. По сути, это часть нашей работы.

Готорн тремя глотками выпил чай, и мы поднялись. Тут мне пришла в голову мысль.

– Миссис Каупер, случайно, не упоминала о человеке по имени Тимми Гудвин? – спросил я.

– Гудвин? – Корнуоллис покачал головой. – А кто это?

– Мальчик, который погиб в аварии. У него был брат, Ларри Гудвин…

– Ужасно… – Корнуоллис обратился к своей кузине: – Айрин, при тебе она говорила что-нибудь подобное?

– Нет.

– Вряд ли это имеет отношение к расследованию, – прервал разговор Готорн и протянул руку. – Благодарю за то, что уделили мне время.

Выйдя на улицу, он обернулся.

– Сделай милость, приятель, никогда не задавай вопросов! Договорились?

– То есть я должен сидеть молча?

– Именно.

– Я же не совсем идиот, могу помочь…

– Тут ты ошибаешься – по меньшей мере в одном из пунктов. И вообще, ты сам сказал, это детективная история, а детектив здесь я.

– Расскажите, что вы поняли, – попросил я. – Вы были на месте преступления, видели записи телефонных разговоров, общались с гробовщиком. У вас

появились идеи?

Готорн задумался. Судя по непроницаемому выражению физиономии, он собирался от меня отмахнуться, но все-таки сжалился.

– Дайана Каупер знала, что умрет.

Затем Готорн повернулся и энергично зашагал вперед. Я прикинул варианты, вздохнул и последовал за ним, пытаясь не отставать – во всех смыслах.

6. Свидетельские показания

Я мало знал о Дайане Каупер, но успел понять одну вещь: вряд ли целая толпа выстроилась в очередь, чтобы ее убить. Пожилая одинокая вдова, состоятельная, но не миллионерша; член правления театра, мать известного сына. У нее были проблемы со сном и кошка. Да, она потеряла деньги из-за театрального продюсера и наняла уборщицу из Восточной Европы с криминальным прошлым, однако какой у них мог быть мотив?

Другое дело – инцидент с мальчиками: один убит, второй покалечен, и все из-за ее небрежности. Причем она даже не остановилась, да еще и вышла сухой из воды! Если бы я был отцом Тимми и Ларри, то вполне мог бы желать ей смерти. К тому же это произошло десять лет назад – точнее, девять лет и одиннадцать месяцев. Все сходится – мотив налицо.

Семья Гудвинов жила на севере Лондона, в районе Харроу, и я недоумевал, почему мы не едем сразу туда.

– Всему свое время, – ответил на мой вопрос Готорн. – Сперва надо кое с кем поговорить.

– С уборщицей? Вы ее подозреваете?

В этот момент мы проезжали развязку на Шепердс-Буш и повернули в сторону Эктона, где жила Андреа Клюванек. Перед этим Готорн позвонил Реймонду

Клунсу и договорился о встрече.

– Я подозреваю, что она солгала полиции.

– А Клунс? Он тут при чем?

– Он знал миссис Каупер. Семьдесят восемь процентов убийств женщин совершается людьми, которых жертвы знали, – уточнил Готорн.

– Правда?

– Я думал, ты в курсе, раз пишешь сериалы. – Проигнорировав табличку «Не курить», он приспустил окно и зажег сигарету. – Муж, отчим, любовник… По статистике они наиболее вероятные убийцы.

– Реймонд Клунс никак не вписывается…

– Они могли быть любовниками.

– Но Дайана Каупер перед смертью видела искалеченного мальчика! Она сама написала, что боится! Не понимаю, зачем терять время?

– Не курить! – возмутился водитель по громкой связи.

– Отвали, я полицейский, – хладнокровно отозвался Готорн. – Как ты там говорил? Модус операнди? Вот это мой. – Он затянулся и выдохнул дым в окно. Ветер тут же задул все обратно. – Начинать надо с ближнего круга и работать по спирали. Это как с повальными обысками – начинаешь с соседей, а не с другого конца улицы… Тебя что-то не устраивает?

– Просто странно – бегаем по Лондону, петляем как зайцы… За мой счет, – добавил я тихо.

Готорн промолчал.

После долгой поездки такси остановилось на краю жилого массива «Южный Эктон». Какой-то ландшафт вроде бы присутствовал – лужайки, деревья, тротуары, – однако общее впечатление было скорее гнетущим, возможно, из-за скученности многоквартирных домов. Мы прошли мимо скейт-парка, по виду давно заброшенного, затем спустились в подземный переход, размалеванный неумелыми граффити – они натекали друг на друга кричащими разводами. Да уж, не Бэнкси[5 - Самый известный уличный художник мира, британец, отличающийся аккуратными продуманными работами в сдержанной гамме; его личность достоверно не установлена.].

В тени сидела кучка подростков в толстовках и балахонах; нас проводили мрачными, подозрительными взглядами. К счастью, Готорн знал дорогу, а я старался держаться рядом. Вспомнилась женщина с литературного фестиваля; видимо, это как раз та самая доза реальности, что она мне прописала.

Андреа Клюванек жила в одной из высоток на втором этаже. Готорн позвонил заранее, и нас ждали. Из полицейских отчетов я знал, что у нее двое детей; впрочем, в полвторого оба наверняка в школе. Квартира оказалась чистенькой, но крошечной: даже самый оптимистичный риелтор не смог бы назвать ее «студией с открытой планировкой» – кухня переходила прямо в гостиную, мебель по минимуму: стол, три стула, диван перед телевизором. Интересно, как они устраиваются по ночам? Дети в спальне, мать на кухне?

Мы сели у стола друг напротив друга. В нескольких сантиметрах над нашими головами свисали кастрюли и сковородки. Андреа не предложила ни кофе, ни чая. Она молча, настороженно смотрела на нас через стол – маленькая темноволосая женщина. В реальности Андреа выглядела еще суровее, чем на фотографии. На ней были футболка и джинсы, порванные вряд ли из соображений моды. Готорн зажег сигарету, она тоже угостилась; я сидел, окруженный дымом со всех сторон, и раздумывал, удастся ли мне закончить книгу или я загнусь раньше от пассивного курения.

Поначалу Готорн вел себя весьма любезно, попросил еще раз уточнить то, что было написано в полицейском отчете: зашла в дом, увидела труп, вышла наружу, позвонила в полицию.

– Вы, должно быть, ужасно промокли, – предположил Готорн.

– Как? – подозрительно вскинулась Андреа.

– В то утро шел сильный дождь. На вашем месте я бы подождал на кухне – тепло, уютно и телефон под рукой… Не было необходимости пользоваться мобильником.

– Я выходить на улицу! – сердито отозвалась женщина. – Я уже все сказать! Полиция спрашивал, что случилось, я сказать.

Ее акцент не улучшал и без того ломаный английский.

– Да, я читал ваши показания, – кивнул Готорн. – Но я не затем проехал пол-Лондона, чтобы слушать вранье. Я пришел узнать правду.

Повисло долгое молчание.

– Я говорить правду.

– Нет, врете. – Готорн вздохнул. – Как давно вы в стране?

Андреа еще больше насторожилась.

– Пять лет.

– И два года работали у Дайаны Каупер?

– Да.

– Сколько раз в неделю вы к ней ходили?

– Два раза, вторник и пятница.

– А вы ей не рассказывали о своих проблемах?

– У меня нет проблемы.

Готорн сокрушенно покачал головой.

– У вас куча проблем. В Хаддерсфилде, на прежнем месте, – воровство в магазине. Сто пятьдесят фунтов штрафа плюс издержки по суду.

– Вы не понимать! – вызверилась Андреа. Я пожалел, что комната такая маленькая – рядом с ней я чувствовал себя неловко. – Нечего есть. Мужа нет. Детям нечего есть.

– И поэтому вы решили обокрасть благотворительный магазин «Спасем детей»? Видимо, слишком буквально восприняли название.

– Я нет…

– А это уже второе нарушение, – перебил ее Готорн. – Вас и так в прошлый раз отпустили условно – повезло, что судья был в хорошем настроении.

Андреа по-прежнему упорствовала:

– Я работать на миссис Каупер два года. Она меня заботился, так что я ничего не надо воровать. Я – честный человек, я забочусь семья!

– В тюрьме вам будет трудновато. – Готорн подождал, пока до нее дойдет. – Вы мне лжете, и вы знаете, чем это кончится. Детей отберут органы опеки – а может, отправят обратно в Словакию. Сколько денег вы взяли?

– Какие?

– Деньги на хозяйство, что лежали в жестянке с принцем Каспианом. Вы знаете, кто такой принц Каспиан? Персонаж из «Хроник Нарнии»[6 - Цикл фэнтези-книг К. С. Льюиса и фильмов по их мотивам.]. В этом фильме играл ее сын, Дэмиэн Каупер. Я заглянул в коробочку, а в ней лишь пара монеток.

– Там она хранить деньги, да. Но я не брать – вор брать.

– Нет! – Готорн начал злиться: глаза потемнели, рука, держащая сигарету, сжалась в кулак. – Вор прошелся по дому, порылся там и сям – он явно хотел

привлечь к себе внимание. А тут все иначе: банку поставили на место, крышку закрыли, отпечатки пальцев аккуратно вытер человек, смотрящий слишком много детективов. Я так думаю, вы достали банкноты и не заметили монетки. Сколько там было?

Андреа мрачно уставилась на него. Интересно, много ли она поняла из его речи?

– Я взять деньги, – призналась она наконец.

– Сколько?

– Пятьдесят фунтов.

Готорн поморщился.

– Сколько?

– Сто шестьдесят.

Он кивнул.

– Уже лучше. И вы не ждали снаружи – с чего бы, когда дождь поливает? Чем вы там занимались? Что еще прихватили?

Какое-то время Андреа мучительно принимала решение. Признаться в содеянном и навлечь на себя большие проблемы? Или попытаться обмануть Готорна и разозлить его всерьез? В конце концов здравый смысл возобладал. Она поднялась, вынула из ящика стола клочок бумаги и протянула ему. Готорн развернул и прочел следующее:

«Миссис Каупер!

Вы думаете, что можете от меня избавиться, но я не оставлю вас в покое. Это лишь начало. Я наблюдал за вами и знаю, что вам дорого. Вы за все заплатите, обещаю».

Написано от руки, ни подписи, ни даты, ни адреса. Готорн перевел вопросительный взгляд на Андреа.

– Человек приходил в дом, – объяснила она. – Две неделя назад. Он идет с миссис Каупер на кухню. Я был наверху, в спальне, но слышу, они говорят. Он очень сердит… кричал на нее.

– В котором часу?

– В понедельник, около часа дня.

– Вы его видели?

– Я глядеть из окна, когда он уходил. Только дождь, и у него зонтик – я ничего не увидеть.

– Вы уверены, что это был мужчина?

– Думаю, да.

– А записку где взяли?

– На столе в спальне. – Андреа выглядела слегка пристыженной, хотя, скорее всего, просто боялась Готорна. – Я смотреть в доме после ее смерти, и вот. Думаю, этот человек убивал Мистер Тиббс.

– Кто такой Мистер Тиббс?

– У миссис Каупер есть кот – большой, серый. – Андреа вытянула руки, показывая размеры кота. – Она звонил в четверг, велит не приходить. Огорчена, говорить – мистер Тиббс умер.

– Зачем вы взяли письмо? – спросил я.

Андреа вопросительно взглянула на Готорна, словно дожидаясь разрешения меня игнорировать.

Готорн кивнул, сложил письмо и убрал в карман. Мы попрощались и вышли.

* * *

– Уборщица взяла письмо потому, что рассчитывала выжать из него деньги, – пояснил Готорн в такси. – Может, узнала того человека с зонтом, а может, надеялась разыскать. Она понимала, что будет расследование и записка пригодится для шантажа.

Мы возвращались в город. Осталась еще одна встреча – с Реймондом Клунсом, театральным продюсером, который обедал с Дайаной Каупер в день ее гибели. С моей точки зрения, это была большая потеря времени, ведь личность убийцы у Готорна буквально в кармане! «Вы за все заплатите» – яснее ясного. Однако он больше не обмолвился о разговоре с Андреа Клюванек, погруженный в раздумья. Я уже успел понять, что этот человек живет в полную силу лишь тогда, когда расследует преступление. Ему нужны убийства или какие-нибудь запутанные дела – это его raison d’?tre[7 - Смысл существования (фр.).] (еще один «заумный» термин, который ему бы не понравился).

Клунс проживал в совершенно иных условиях, нежели Андреа Клюванек. Его дом располагался позади Мраморной арки, неподалеку от Коннот-сквер, и я нисколько не удивился, увидев здание, похожее на декорации из красного кирпича. Оно выглядело неправдоподобно двухмерным с огромной дверью и ярко окрашенными окнами, расположенными строго симметрично. Все было новеньким, даже мусорные баки, стоящие аккуратным рядком по ту сторону металлического ограждения. К отдельному входу в подвал вели ступеньки; над ним возвышались еще четыре этажа. Я прикинул: минимум пять спален и тридцать миллионов фунтов.

Впрочем, на Готорна все это великолепие не произвело ни малейшего впечатления. Он ткнул пальцем в дверной звонок с такой силой, словно испытывал к нему личную неприязнь. Прохожих вокруг не было, и у меня создалось ощущение, что большинство домов пустует – возможно, ими владеют иностранные бизнесмены? Кажется, где-то по соседству живет Тони Блэр? Эта часть города как-то не вязалась с остальным Лондоном.

Дверь открыл краеугольный камень любого классического детектива, хоть я и не ожидал увидеть в двадцать первом веке настоящего дворецкого в полосатом костюме, жилете и перчатках. Примерно моего возраста, с зачесанными назад темными волосами; вид у него был полон достоинства.

– Добрый день, сэр. Входите, пожалуйста.

Он не стал спрашивать наши имена – нас ожидали.

Мы вошли в просторный холл. Справа и слева располагались гостиные: высоченные потолки, изумительные ковры на полу. Больше походило на отель, чем на жилой дом, хоть и без постояльцев. Поднимаясь по лестнице, я заметил одну из картин Хокни с мальчиком в бассейне, а за ней – триптих Фрэнсиса Бэкона. На лестничной площадке – огромная черно-белая фотография в стиле ню авторства Роберта Мэпплторпа[8 - Перечисляются художники, чьи работы крайне дороги.]: на белом фоне черные ягодицы и пенис в состоянии эрекции. В углу – классическая статуя обнаженного пастушка. Готорну было явно не по себе в столь откровенно гомоэротической атмосфере: об этом говорили не только его поджатые губы, но и общее напряжение.

Полутемный сводчатый проход вел в верхнюю гостиную, занимающую весь этаж: мебель, лампы, зеркала, предметы искусства простирались насколько глаз хватало. Все было новеньким, дорогим, безупречного вкуса, но чересчур безличным. Я тщетно оглядывался в поисках брошенной газеты или пары грязных башмаков – любого свидетельства, что здесь живут люди. Как-то слишком тихо для центра города – саркофаг, наполненный владельцем предметами роскоши из прошлой жизни.

Однако сам Реймонд Клунс оказался удивительно обычным на вид: около пятидесяти, одет в синий бархатный пиджак и водолазку. Он сидел ровнехонько посреди огромного дивана, словно дворецкий перед нашим приходом отмерил рулеткой нужное расстояние. Крепкое телосложение, грива седых волос, веселые бледно-голубые глаза. Похоже, он был нам рад.

– Присаживайтесь. – Клунс театральным жестом указал на соседний диван. – Кофе не желаете? – Не дожидаясь ответа, он обратился к дворецкому: – Брюс, принесите гостям кофе. И захватите трюфели.

– Хорошо, сэр.

Дворецкий исчез. Мы сели.

– Вы насчет бедной Дайаны, – продолжил Клунс, не дожидаясь вопроса. – Не могу выразить, как я шокирован ее смертью! Я познакомился с ней в «Глобусе». Ну и, конечно, работал с ее сыном. Дэмиэн – очень талантливый мальчик, очень. Он играл в пьесе «Как важно быть серьезным», которую я тогда продюсировал в Хеймаркете. Колоссальный успех! Я всегда знал, что он далеко пойдет. Когда полиция рассказала о случившемся, я долго не мог поверить! Не представляю, кому она помешала – добрейшей души человек…

– Вы обедали с ней в день ее смерти, – напомнил Готорн.

– Да, в «Кафе Мурано». Я ждал ее у метро. Она помахала мне рукой через дорогу. Вроде бы все в порядке, но как только мы сели за стол, я сразу понял, что она не в настроении, бедняжка. Думала о своем. Переживала за Мистера Тиббса, своего кота. Ну и имечко! Он пропал. Я посоветовал ей не волноваться – мало ли, погнался за мышью или еще по каким делам. Она недолго просидела – торопилась на заседание в театр.

– Вы утверждаете, что были старыми друзьями. Насколько я понимаю, между вами произошла размолвка?

– С чего бы? – удивился Клунс.

– Она потеряла деньги на вашем шоу.

– Я вас умоляю! – Небрежным жестом Клунс отмел все обвинения. – Вы говорите о «Марокканских ночах». Нет, мы не ссорились, она просто была разочарована. Ну еще бы! Я потерял на этом гораздо больше, чем Дайана, поверьте на слово! Что поделать, бизнес есть бизнес. Вот, к примеру, сейчас я вложился в «Человека-паука» – полный кошмар, между нами говоря, но в то же время я отклонил «Книгу Мормона». Иногда просто не везет. Дайана это прекрасно понимала.

– А что за мюзикл? – спросил я.

– История любви. Действие происходит в старой крепости. Два юноши: солдат и террорист. Отличная музыка, сценарий по мотивам успешного романа, однако аудитория не приняла – может, слишком много насилия… Вы смотрели?

– Нет, – признался я.

– В этом-то и проблема – никто не смотрел.

Вернулся Брюс с подносом: три крошечные чашки кофе и тарелка с четырьмя трюфелями из белого шоколада, составленными пирамидкой.

– А успешные постановки у вас бывали? – спросил Готорн.

Клунс явно оскорбился.

– Оглядитесь! Неужели вы думаете, я смог бы позволить себе такой дом, если бы в свое время не сделал хитов? Да если хотите знать, я был одним из первых инвесторов «Кошек» и с тех пор вкладывал деньги в каждый мюзикл Эндрю![9 - Эндрю Ллойд Уэббер (р. 1948) – самый известный сочинитель мюзиклов в мире.] «Билли Эллиот», «Шрек», Дэниэл Рэдклифф[10 - Дэниэл Джейкоб Рэдклифф (р. 1989) – исполнитель роли Гарри Поттера в голливудской серии фильмов.] в «Эквусе»… На мою долю хватило успеха, не сомневайтесь! И «Марокканские ночи» могли бы выстрелить, только не срослось. Такой бизнес… Уверяю вас, Дайана Каупер не таила на меня зла: она прекрасно осознавала степень риска; к тому же деньги не такие уж существенные…

– Пятьдесят штук?!

– Это для вас пятьдесят штук – значимая сумма, мистер Готорн. Для большинства людей значимая, но Дайана могла себе позволить, иначе не стала бы рисковать.

Повисла пауза. Готорн изучающе разглядывал продюсера недобрыми глазами.

– Миссис Каупер не сказала вам, где была в то утро?

– До обеда? Нет.

– Она посетила агентство ритуальных услуг в Южном Кенсингтоне, организовала собственные похороны.

Клунс держал в руках крошечную чашку, слегка оттопырив мизинец. Услышав эту информацию, он поставил чашку на столик.

– Правда? Вы меня удивили.

– За обедом она не упоминала об этом?

– Нет, конечно, я бы запомнил!

– Вы сказали – миссис Каупер «думала о своем». Она не рассказывала, что именно ее беспокоит?

– Упомянула одну вещь. – Клунс помедлил, вспоминая. – Мы говорили о деньгах, и она сказала, что ее кто-то преследует. Все из-за той аварии в Кенте.

– Она сбила двоих детей, – сказал я.

– Верно, – кивнул продюсер и выпил кофе одним глотком. – Лет десять лет назад, мы только познакомились. Дайана жила одна, муж умер от рака… печально. Он работал дантистом, много звездных клиентов. У них был славный домик у моря. На момент аварии у нее гостил Дэмиэн – то ли между турами, то ли снимался на Би-би-си, уже и не вспомню. В общем, Дайана была совершенно не виновата. Дети побежали через дорогу за мороженым, а она выехала из-за угла и просто не успела остановиться. Я долго разговаривал с судьей: он считал, что ее вины тут нет никакой. Конечно, бедняжка сильно переживала. Вскоре после этого вернулась в Лондон и, насколько я знаю, так больше и не садилась за руль. Что ж, ее можно понять – ужасная трагедия…

– А она не сказала, кто именно ее преследует? – спросил Готорн.

– Сказала – Алан Гудвин, отец мальчиков. Он заходил к ней со всякими требованиями.

– Чего хотел?

– Денег. Я посоветовал ей не связываться. Все это случилось давно и уже не имеет к ней никакого отношения.

– Миссис Каупер не упоминала о записках от него? – спросил я.

– О записках… – Клунс глядел куда-то в пространство. – Да вроде нет. Сказала только, что он заходил и теперь она не знает, как быть.

– Минутку! – перебил Готорн. – Вы упомянули, что разговаривали с судьей. Как это получилось?

– Мы с Найджелом Уэстоном старые друзья. Кстати, он тоже вкладывает деньги в постановки. На «Клетке для чудаков» очень неплохо заработал.

– Вы хотите сказать, что Дайана Каупер, инвестор вашего шоу, сбила насмерть ребенка, и ее оправдал судьей, который тоже является инвестором? Чисто ради интереса – они знакомы?

– Не знаю. – Клунс насторожился. – Вряд ли. Надеюсь, вы не намекаете, что тут дело нечисто?

– Это мы выясним. А мистер Уэстон женат?

– Понятия не имею, а что?

– Да так…

Спускаясь по лестнице, я заметил, что Готорн весь ощетинился. Мы вышли из дома, завернули за угол, Готорн остановился и щелкнул зажигалкой. Некоторое время он яростно курил в молчании, избегая моего взгляда.

– Что с вами? – спросил я наконец.

Он не ответил.

– Готорн?..

Он обернулся, злобно сверкая глазами.

– А тебе все по барабану, да? Так и должно быть? Чертов педик, сидит такой довольный, вокруг одна порнуха…

– Что?!

Я был неподдельно шокирован тем, как это прозвучало: «пе-е-едик», с подчеркнутой брезгливостью, словно что-то мерзкое, чужеродное.

– Во-первых, никакая не порнуха! Вы хоть представляете, сколько это все стоит? И во-вторых, нельзя его так называть.

– Как?

– Как вы назвали.

– Педиком? – Готорн скривился. – А кто он, по-твоему?

– Его сексуальность тут ни при чем.

– Это как сказать, Тони. Если он стакнулся со своим дружком-судьей, чтобы снять Дайану Каупер с крючка…

– Так вот почему вы спросили, женат ли Уэстон! Думаете, он тоже гей?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Гамлет», акт 4, сцена 5 (пер. М. Лозинского).

2

Изначально – лондонский просторечный диалект, сегодня в широком смысле – диалект Юго-Восточной Англии.

3

Образ действий (лат.).

4

«Кафе смерти» (фр.) – культурная практика в некоторых европейских странах, суть которой состоит в том, что группы людей собираются и обсуждают тему смерти и все, что с ней связано.

5

Самый известный уличный художник мира, британец, отличающийся аккуратными продуманными работами в сдержанной гамме; его личность достоверно не установлена.

6

Цикл фэнтези-книг К. С. Льюиса и фильмов по их мотивам.

7

Смысл существования (фр.).

8

Перечисляются художники, чьи работы крайне дороги.

9

Эндрю Ллойд Уэббер (р. 1948) – самый известный сочинитель мюзиклов в мире.

10

Дэниэл Джейкоб Рэдклифф (р. 1989) – исполнитель роли Гарри Поттера в голливудской серии фильмов.

Купить: https://tellnovel.com/ru/gorovic_entoni/eto-slovo-ubiystvo

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить